

ЮРІЙ ИВАНОВИЧЪ ВЕНЕЛИНЪ.

1802 года, 23-го апрѣля, въ сѣверной Угріи, среди горъ Карпатскихъ, Берегскаго округа въ селѣ Большой Тибавѣ (Nagy-Tibava), у протоіерея Верховины Ивана Гуцы (Hutza) родился сынъ Юрій. Десяти лѣтъ мальчикъ лишился отца. Семейныя преданія вели его родъ отъ какого-то покутскаго князя, удалившагося въ Карпаты во время покушенія польской уніи на православіе жителей Покутья. По происхожденію Русинъ, по прозвищу напоминавшій Гуцуловъ, жителей Кутъ и Покутья, Юрій Гуца поступилъ для первоначальнаго образованія въ Унгварскую гимназію, подъ руководство директора Фекете. Своими дарованіями и прилежаніемъ онъ скоро обратилъ на себя особое вниманіе тамошняго духовнаго начальства и получилъ приглашеніе вступить въ число воспитанниковъ семинаріи. При пособіи послѣдней, 1821 года, будучи 19-ти лѣтъ, выслушалъ онъ курсъ философскихъ наукъ въ Сатмарскомъ лицей; директоръ Дубинскій профессоры Целиканъ, Бакошъ, Гараман и Рудичъ отличали студента, выдававшагося изъ всѣхъ товарищей, особенно своею любовью къ исторіи. Увлекаемый ею, юноша мечталъ о Львовскомъ университетѣ, который славился тогда прагматическимъ преподаваніемъ и именами Нападевича, Яхимовича, Глойснера, Мауса и Полека. Иное призваніе убѣждало освободиться отъ притязаній Унгварской епархіи; не могли остановить и фамиліныя преданія: скрывшійся подъ вымышленнымъ прозвищемъ, Венеловичъ-Венелинъ явился въ Львовъ, и годъ, проведенный здѣсь, положилъ основу всѣмъ будущимъ трудамъ его. Университетская бібліотека давала много спосо-

бывъ: цѣлые часы, свободные отъ лекцій, просиживалъ онъ тамъ за чтеніемъ, за выписками, за матеріалами твореній, которыя тогда уже мало по малу очерчивались и планировались въ головѣ его. „Проходя“, говорилъ онъ послѣ,—„до 1822 года, въ одномъ изъ лучшихъ иностранныхъ университетовъ, курсъ наукъ по факультету, къ которому принадлежитъ исторія и искусство или правила критики..., я дѣлалъ, для упражненія себя въ послѣдней, замѣчанія на разные предметы своего ученія, преимущественно на историческіе спорные, или темные, и требующіе дальнѣйшаго объясненія“¹⁾.

Между тѣмъ внутреннее влеченіе, которое постоянно и единственно управляло всѣми движеніями его жизни, призывало далѣе. Умъ двадцатилѣтняго молодого человѣка плѣнялся несказанно мыслию о томъ народѣ, къ которому онъ самъ принадлежалъ по происхожденію, котораго исторія такъ давно уже занимала его; съ жадностію читалъ онъ журналъ Шторха *Russland unter Alexander dem Ersten*, всегда и всюду возилъ его съ собою, но этого было мало: нужно было жить, поселиться среди любимаго народа. Тѣмъ не мѣѣе прямая дорога преграждалась требованіями образованія, коренившагося на изученіи странъ классическихъ: хотѣлось видѣть Грецію, объѣхать Архипелагъ; была мысль—сѣсть на корабль въ Триестъ и выйти на берегъ въ Одессѣ. Съ такою цѣлію прибылъ онъ въ Сегединъ: лекціи профессоровъ Губицера, Михалика, Губерта, Томаши, Бенедика и Балинта удержали его всю зиму при академіи. Между тѣмъ греческое возстаніе измѣнило планы. Былъ и другой человѣкъ, питавшійся одинакою мыслию: ровесникъ, родственникъ и землякъ Венелина—И. И. Молнаръ. Они шли другъ съ другомъ объ руку въ первоначальномъ воспитаніи, и разошлись только на время, когда, вмѣсто Львова, Молнаръ слушалъ лекціи въ Гроссѣ-Вардейнѣ. Теперь снова соединились они, и въ началѣ весны 1823 года отправились черезъ Карпатскія вершины, сперва въ Черновцы, а потомъ за границу. Наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія прибыли они въ Хотинъ²⁾.

¹⁾ Др. и нын. Болгаре, т. I, стр. III.

²⁾ И. И. Молнаръ, двоюродный братъ Венелина, сохранилъ къ нему горячую дружбу до конца; схоронилъ его въ Москвѣ, сберегъ его библіотеку, бумаги и добрую память, которую чтитъ какъ святыню; всю жизнь хлопоталъ объ изданіяхъ помертвыхъ; самъ былъ врачомъ въ Москвѣ, въ Павловской больницѣ, и оставилъ по себѣ сына, также Юрія Ивановича, нынѣ извѣстнаго въ

Спустя нѣсколько дней, въ Кишиневѣ генераль-губернаторъ И. Н. Инзовъ (у котораго въ то же почти время встрѣтилъ такой радужный привѣтъ знаменитый поэтъ нашъ), архіепископъ Димитрій и ректоръ семинаріи Иринеи принимали у себя и обласкали двухъ странниковъ. При семинаріи находился благородный пансіонъ: сюда помѣстили ихъ надзирателями и учителями: Венелина—ариѳметики, Молнара—латинскаго языка. Два года пробыли они здѣсь. Венелинъ неумоимо занимался исторіею, собиралъ матеріалы, дѣлалъ выписки, Въ это время, говоритъ онъ, „я продолжалъ свои замѣчанія еще съ бѣльшимъ раченіемъ, такъ что ихъ накопилось у меня значительное количество“¹⁾. Дѣйствительно, въ бумагахъ покойнаго, кромѣ собранія прежнихъ университетскихъ замѣтокъ, находимъ цѣлую кипу бумагъ, составленныхъ въ Кишиневѣ. Это большею частію выписки изъ греческихъ и римскихъ историковъ, изъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ, изъ современныхъ иностранныхъ сочиненій; сличенія, переводы, замѣчанія; дороговизна книгъ заставляла выписывать огромныя тирады, дороговизна бумаги—пользоваться самою плохою. Но уже здѣсь можемъ замѣтить, что главные пункты, привлекавшіе вниманіе, были тѣ же самыя, которые развиты Венелинымъ впоследствии. Въ самомъ дѣлѣ, г. Инзовъ оставилъ по себѣ глубокое и благодарное воспоминаніе, какъ попечитель колонистовъ южнаго края²⁾; очень много Болгаръ жило въ Кишиневѣ: Венелинъ знакомился съ ними, собиралъ свѣдѣнія о краѣ и народѣ, задавалъ себѣ вопросы объ его исторіи.

Лѣтомъ 1825 года началось новое странствованіе внутрь, къ сердцу Россіи. Не мало приходилось потерпѣть нужды; Кіевъ оставилъ на Венелинѣ неблагопріятное воспоминаніе потерю двухъ рублей при вѣздѣ и выѣздѣ; въ московскую заставу вошелъ Венелинъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ съ пятаю рублями асс. Но онъ несъ для университета запасъ богатыхъ свѣдѣній; не говоримъ о другихъ наукахъ: онъ зналъ превосходно языки греческій и латинскій, писалъ на послѣднемъ какъ на родномъ; въ его сочиненіяхъ поражаетъ насъ легкость, съ которою пользуется онъ классическими и средневѣковыми источниками; заглянувъ въ бумаги, видимъ, что всѣ переводы его совер-

Москвѣ доктора. Благодаря именно этой дружбѣ съ И. И. Молнаромъ, мы сами близко познакомились съ Венелинымъ и издали многое изъ его бумагъ.

¹⁾ Др. и нын. Б., т. I, стр. III.).

²⁾ Денница и. болг. образованія, В. Априлова. Одесса 1841 г., стр. 145.

пались прямо и свободно, безъ всякой поправки. Съ языкомъ новогреческимъ познакомился онъ короче впоследствии. Французскія и нѣмецкія письма, конечно, не могутъ нынче удивить, особенно если кто помнитъ, какъ хорошо говорилъ онъ на этихъ языкахъ; но кромѣ того, съ малолѣтства привыченъ былъ ему языкъ венгерскій; по англійски и румынски онъ понималъ и писалъ; зналъ по италіански, по испански, по турецки; наконецъ, всѣ главнѣйшія славянскія нарѣчія были ему довольно извѣстны уже въ ту эпоху. Разумѣется, при такихъ данныхъ, и самая склонность влекла Венелина къ факультету филологическому; однако совѣты двухъ знаменитыхъ людей того времени, земляка Н. С. Орлая и Лодера, склонили его къ медицинскимъ наукамъ; въ немъ видѣли достойнаго адепта науки, а въ наукѣ видѣли болѣе легкое средство поддержать на будущее время его безбѣдное существованіе.

Самъ Венелинъ какъ будто переродился: „Я посвятилъ себя“, говоритъ онъ,—наукамъ болѣе благотворнымъ, чѣмъ исторія и метафизика, наукамъ, кои привлекли на себя все мое вниманіе и сдѣлались исключительнымъ предметомъ моихъ занятій“¹⁾. Такъ думалъ онъ, такъ хотѣлъ убѣдить себя. Но наука, которой такъ отдался онъ, не нашла примѣненія со стороны врачебной: если мы будемъ искать ея благотворнаго вліянія на послѣдующую дѣятельность Венелина, мы можемъ подмѣтить только сторону общую, во сколько знаніе естественныхъ наукъ нужно всякому историку. И точно, имъ принадлежатъ тѣ прекрасныя страницы, на которыхъ такъ рѣзко выдаются топографическія замѣчанія, съ вопросами геологіи, физики, даже ботаники. Однако, помимо всего этого, можно и должно спросить въ этой біографіи: чтó же принесъ Венелину университетъ Московскій? Онъ принесъ ему знакомства и связи, средства и направленіе занятій, наконецъ—то положеніе, въ которомъ онъ сталъ къ послѣднимъ. Вопросы о знакомствахъ и средствахъ мы можемъ коснуться только слегка: такъ еще живы и свѣжи воспоминанія. Притомъ же сторона внѣшняя не можетъ здѣсь много интересовать насъ; а сторона болѣе внутренняя, съ своимъ вліяніемъ на личный характеръ и занятія Венелина, раскрывается сама собою изъ послѣдующаго хода его жизни и дѣятельности. Довольно замѣтить, что въ обществѣ онъ былъ всегда очень хорошъ и принятъ во многихъ весьма почтенныхъ домахъ; въ кругу людей, занятыхъ наукою, встрѣчалъ иногда сочувствіе; рѣ-

¹⁾ Др. и нын. Болг., т. I, стр. III.

кость мѣній вызывала иногда прямыхъ недоброжелателей; вообще же особеннаго не было ничего. Жилъ уроками: все остальное, что соединено съ ними, понятно каждому въ наше время ¹⁾. Тутъ была все-таки своя доля хорошаго: поневолѣ не отставалъ онъ отъ своихъ любимыхъ занятій. Да, впрочемъ, какъ замѣтили мы, онъ напрасно и старался увѣрить себя въ другомъ призваніи: не смотря на прилежное занятіе науками медицинскими, Венелинъ свободные часы посвящалъ чтенію книгъ, относившихся къ любимому предмету. Оттого-то еще въ 1828 году, когда Венелинъ былъ еще въ университетѣ, въ Московскомъ Вѣстникѣ, въ № XV, XVI и XVIII, встрѣчаемъ мы его разборъ книги: „Нынѣшнее состояніе турецкихъ княжествъ, Молдавіи, Валахіи и россійской Бессарабской области“ ²⁾. Здѣсь много уже говорится о Славянахъ вообще и Болгарахъ въ особенности; исправлены большія ошибки; показано много свѣдѣній. Этого мало: въ томъ же году и въ томъ же журналѣ, въ № XXIII и XXIV, читаемъ объявленіе о скоромъ появленіи въ свѣтъ перваго тома изысканій Венелина о Болгарахъ, при чемъ помѣщено характеристическое воззваніе къ богатымъ людямъ. Въ самомъ дѣлѣ, готовясь къ послѣднимъ экзаменамъ и въ теченіе ихъ, Венелинъ вмѣстѣ съ тѣмъ печаталъ I-й томъ. Однако, кромѣ обычныхъ университетскихъ занятій, онъ платилъ дань факультету: въ бумагахъ его видѣли начатый медицинскій словарь; въ теченіе курса представлено имъ было на золотую медаль весьма замѣчательное разсужденіе „de calore animalis“ (вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, оно награждено только похвальнымъ отзывомъ) ³⁾.

Выдержавъ окончательное испытаніе на званіе лѣкаря, молодой человекъ явился въ литературѣ историкомъ. Вмѣстѣ съ окончаніемъ медицинскаго курса, онъ окончилъ печатаніе и перваго тома своего сочиненія: „Древніе и нынѣшніе Болгаре въ политическомъ, народо-

¹⁾ Между прочимъ Венелинъ былъ хорошо принятъ, почти какъ родной, въ домѣ С. Т. Аксакова, и особенно памятенъ тѣмъ, что былъ учителемъ К. С. Аксакова, и передалъ ему благородную страсть къ языкознанію, впоследствии оказавшую такіе прекрасные плоды. У насъ есть въ рукахъ письма Венелина къ С. Т.—чу, полныя отеческой и дружеской заботливости объ успѣхахъ юноши, а вмѣстѣ съ тѣмъ прорекавшія ему свѣтлую будущность и широкое значеніе; къ сожалѣнію, пока мы не имѣемъ права печатать эти письма и воспользуемся ими впоследствии для личныхъ воспоминаній о Константиѣ Сергѣевичѣ.

²⁾ Соч. *Игнатія Яковска*. С.-Пб. 1882.

³⁾ См. *Московскія Вѣдомости*, 1839 года, май, некрологъ Венелина.

писномъ, историческомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіи-намъ. Историко-критическія изысканія Юрія Венелина. Томъ I. Москва, въ университетской типографіи. 1829⁴. Процензировано въ мартѣ. Посвящено А. С. Шишкову. Изъ предисловія, написаннаго въ іюлѣ, отмѣчаемъ слѣдующія подробности. Въ разговорахъ съ нѣкоторыми московскими учеными Венелинъ касался иногда тѣхъ историческихъ замѣчаній, которыя хранились у него въ кучѣ выписокъ по разнымъ спорнымъ пунктамъ, и которыя самъ онъ называлъ архивомъ, вовсе не имѣя въ виду когда-либо напечатать ихъ. Между тѣмъ М. П. Погодинъ обратилъ на нихъ серьезное вниманіе, и лѣтомъ 1828 года, убѣдилъ автора составить нѣчто цѣлое. Постоянно имѣя въ виду древнѣйшую исторію Руси, равно какъ прочихъ племенъ славянскихъ, но развлекаясь прежде многими частными вопросами, Венелинъ въ новомъ дѣлѣ, требовавшемъ порядка, естественно прежде всего остановился на Болгарахъ, предварившихъ другія отрасли того же племени своимъ появленіемъ на поприщѣ исторіи, и особенно письменности. Мы знаемъ, что давно уже собиралъ онъ относящіеся сюда свѣдѣнія. Тѣмъ не менѣе, не легко было справиться съ планомъ и связью. „Я зашелъ“, говоритъ онъ, — „въ лѣсъ мнѣній и противорѣчій; увидѣлъ на каждомъ шагу затрудненіе. Теряясь въ многосложности труда и не довѣряя собственнымъ силамъ, я унывалъ и опять отказался отъ довершенія начатаго мною. Дѣло, можетъ быть, тѣмъ бы и кончилось, если бы тотъ же г. NN не побудилъ меня къ окончанію начатаго, принявъ даже и трудъ изданія на себя и издержки его на свой счетъ“¹⁾. Такимъ образомъ явился первый томъ, содержаніе котораго извѣстно конечно всякому, кто сколько-нибудь интересовался вопросами отдаленной исторіи сѣверо-востока Европы. Извѣстно также, на сколько высказано здѣсь учености, остроумія и увлеченія; приговоръ исторической критики произнесенъ былъ уже не разъ изъ устъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей въ соприкасавшейся области науки; уже одно уваженіе къ ихъ серьезному вниманію и строгому голосу предупредить и остановить легкомысленное и поверхностное сужденіе. Однако, при всемъ томъ, желательно было бы, чтобы въ настоящее время устранилась у насъ даже послѣдняя возможность самонадѣянныхъ и рѣзкихъ упрековъ. Для этой цѣли, помимо уже того, что представляетъ ходъ науки послѣдняго двадцатипятилѣтія, недурно обратить вниманіе на слѣдующія частныя обстоятельства. Въ 1827

¹⁾ Предисловіе къ I тому, стр. VI.

году (слѣдовательно, передъ самою войною съ Турціей) въ одномъ московскомъ журналѣ выражали мнѣніе, что задунайскіе Славяне всѣ перевелись, и что тамъ не слышны болѣе славянскіе звуки. Не мудрено, что подобныя крайности могли вызвать новую крайность. Но послѣдняя находила опору въ томъ уже, что до 1829 года не много еще въ ея дѣлѣ высказано было здравыхъ и вѣрныхъ сужденій; она находила опору и въ значительномъ запасѣ ученыхъ матеріаловъ и свѣдѣній, допускающихъ увлеченіе, но исключających понятіе парадокса; увлеченіе разшевелило многіе вопросы и въ самой энергіи движенія нашло себѣ оправданіе; движеніе проложило себѣ широкую дорогу, и оставивъ ученый кабинетъ, отозвалось въ нововозникшемъ образованіи цѣлаго племени. Упустивъ изъ виду послѣдній пунктъ, мы никогда не поймемъ плодотворности перваго литературнаго подвига Венелина, мѣряя его требованіями науки, ограниченной книгами и кабинетомъ. Впрочемъ, и въ этой болѣе узкой сферѣ есть нѣсколько обстоятельствъ, весьма уважительныхъ, и съ своей стороны, оправдывающихъ Венелина: это не было сочиненіе, писанное на заданную тему, съ ограниченою и опредѣленною цѣлью, — не много еще подобныхъ твореній насчитываетъ наука славянскихъ нарѣчій, не много еще нашлось для нея умовъ совершенно строгихъ, точныхъ и ясныхъ: область этого знанія, какъ и сама судьба племенъ славянскихъ, слишкомъ велика, слишкомъ глубоко уходитъ своими корнями въ даль минувшаго, слишкомъ тѣсно сплетается со всѣми вѣтвями современной исторіи. Это былъ сборникъ матеріаловъ, въ разное время собранныхъ и разобранныхъ; авторъ старался привести ихъ въ порядокъ, но невольно увлекался тѣми мыслями, которыя мгновенно освѣщали для него тотъ или другой рядъ свидѣтельствъ, ту или другую темную сторону запутаннаго дѣла. Такъ точно нерѣдко одна какая-либо черта современной исторіи Европы, одинъ случай, одно событіе поднимаетъ въ чуткой головѣ тысячи вопросовъ, и по всему востоку и югу Европы нерѣдко пробѣжитъ ваша мысль, освѣтитъ нѣсколько пунктовъ въ судьбѣ и назначеніи племенъ, исторію которыхъ вы изучаете, тамъ и сямъ ярко вспыхнетъ, тамъ и сямъ озарится надеждой: и въ то же время, очень возможно, вы обманетесь, и строгій разсудокъ воротитъ васъ туда же, откуда вы вышли. Такія-то вспышки озарявшейся мысли непрерывно увлекали подвижный до крайности умъ Венелина, умъ, рѣдко спорившій со страстнымъ сердцемъ: подчиненный неудержимому ихъ вліянію, онъ шелъ дальше и дальше, то совершенно оживлялъ предъ своимъ взоромъ

минувшее, то рисовалъ картины странъ имъ видѣнныхъ, имъ изученныхъ, заговаривался съ представившимися лицами, запѣвалъ пѣсню; скоро замѣчалъ онъ уклоненіе, не могъ не чувствовать, что стоитъ на рубежѣ самыхъ крайнихъ ошибокъ, спѣшилъ воротиться къ собственному и строгому дѣлу, но уклонившись на извилистый путь, могъ воротиться только тѣмъ же и не инымъ путемъ. Начинаясь снова серьезное изслѣдованіе, раскрывались тысячами мельчайшія черты, и силы, привыкшія развлекаться, готовы были снова повторить тотъ же кругъ переходовъ и увлеченій. Мы видѣли, какъ авторъ терялся въ этой работѣ, какъ самъ онъ чувствовалъ по временамъ недовѣрчивость къ собственнымъ силамъ, какъ бросалъ начатые труды, и потомъ съ новою восторженною энергіей брался за перо. Образовался рядъ работъ, одна тѣснила и вызывала другую, громоздились матеріалы огромнаго запаса учености, одно увлеченіе порождало другое. Изданный томъ былъ первымъ въ ряду предполагавшихся четырехъ или пяти; самъ авторъ въ предисловіи разсказалъ намъ весь процессъ труда, признался въ своихъ затрудненіяхъ и замѣшательствахъ, откровенно обозначилъ недостатки, неровность слога, отсутствіе строгаго порядка, частыя повторенія. „Такимъ образомъ“, говоритъ онъ, — „я самъ уже началъ рецензію моего сочиненія, указавъ на нѣкоторыя слабыя его стороны“ (предисл. къ I тому, стр. VII). Издавая первый томъ, онъ прибавляетъ, что у него накопилось уже много другихъ, новыхъ замѣчаній; отпечатавъ, онъ тотчасъ переплелъ его съ бѣлыми листами, вносилъ новое, дополнялъ, исправлялъ. Черезъ нѣсколько времени онъ былъ уже недоволенъ изданнымъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ даже печатно объявлялъ о томъ. Вотъ, напримѣръ, его отзывъ о той статьѣ перваго тома, въ которой доказывалъ овъ русизмъ Аттилы: „Я признаюсь, что эта статья — одна изъ самыхъ неразвитыхъ, а потому и самыхъ слабыхъ въ моей книгѣ.... Замѣчу еще, что въ 1-мъ томѣ моихъ изысканій очень многое не вполне развито, и что можно сказать еще очень многое въ оправданіе и объясненіе всего этого“¹⁾.

Появленіе книги встрѣчено было такимъ разнообразіемъ мнѣній, что было бы трудно, да и нѣтъ большой нужды исчислять ихъ. Довольно замѣтить, что болѣе основательныя мнѣнія высказаны были: въ Литературной Газетѣ о. І. Вичуринимъ, въ Вѣстникѣ Европы Каченовскимъ, въ Атенеѣ Кубаревымъ, въ Москов-

¹⁾ О хар. нар. пѣс. у Слав. Зад., 1835, стр. 17—19.

скомъ Вѣстникѣ М. П. Погодинымъ и отчасти Н. О. Калайдовичемъ. Это была единственная книга, извѣстіе о которой, послѣ Ориктогнозій Фишера, сообщалось изъ Россіи въ *Leipziger allgemeine Bücher-Kunde*. Было нѣсколько и пристрастныхъ приверженцевъ: ихъ можно пайти въ то время, и даже послѣ, въ Отеч. Запискахъ. Съ береговъ Днѣпра раздался голосъ, сравнившій автора съ Колумбомъ (Моск. Вѣстн. 1829 г., ч. VI, стр. 146—149). Среди разнообразныхъ толковъ, доказавшихъ все-таки, что книга охотно была прочтена, раздалось много и недовольныхъ голосовъ, возставшихъ противъ увлеченій и рѣзкости мнѣній; наконецъ, нашлось нѣсколько горячихъ головъ и чувствительныхъ сердецъ, старавшихся, въ доказательство терпимости мнѣній и оцѣнки увлеченія, распространить слухи о помѣшательствѣ автора и засадить его въ больницу ¹⁾.

Какъ бы то ни было, важный шагъ, условившій всю остальную дѣятельность Венелина, былъ сдѣланъ. Къ сожалѣнію, онъ не могъ въ достаточной мѣрѣ воспользоваться замѣчаніями: пристрастные отзывы не приносили съ собою ничего; безпристрастные ограничивались изложеніемъ содержанія книги; возражавшіе имѣли на своей сторонѣ довольно разсудка, но мало истинно-ученыхъ данныхъ. Исслѣдованія строгой науки были еще впереди. Главный выигрышъ состоялъ въ томъ, что теперь на Венелина обращено было всеобщее вниманіе людей, интересующихся наукою; самъ онъ получилъ какъ бы нѣкоторое право дѣйствовать на томъ же пути, нѣкоторое положеніе въ ряду литераторовъ.

Между тѣмъ, говоря о Болгарахъ, въ ихъ древней исторіи, въ ихъ современномъ состояніи, авторъ однако не былъ въ странѣ ихъ, не изучалъ дѣла на мѣстѣ. „Съ сожалѣніемъ признаюсь“, говоритъ онъ въ Дополненіяхъ къ I-му тому, — „что, не бывъ въ турецкихъ владѣніяхъ за Дунаемъ, я не могъ изобразить сего народа въ нынѣшнемъ его положеніи вѣрно и подробно“ (стр. 248). Понятно, чего могъ желать Венелинъ; успѣхъ перваго опыта придавалъ надежду. Представляя экземпляръ своей книги императорской Россійской академіи, онъ предложилъ, „не благоугодно ли ей будетъ, пользуясь тогдашними благопріятными обстоятельствами, возложить на него совершеніе ученаго путешествія по Болгаріи, странѣ классической для филологовъ

¹⁾ Второе изданіе 1-го тома о Болгарахъ (теперь также уже рѣдкое) издано нами вмѣстѣ съ И. И. Молнаромъ, съ нашимъ предисловіемъ и біографическимъ краткимъ очеркомъ.

и историковъ славянскихъ“. На представленіе тогдашняго министра народнаго просвѣщенія князя Ливена, 14-го декабря 1829 года воспослѣдовало высочайшее утвержденіе поѣздки лѣкаря Венелина за Дунай, на казенный счетъ. Въ январѣ 1830 года онъ вызванъ былъ академіей въ С.-Петербургъ, для полученія инструкціи и путевыхъ издержекъ; 13-го марта возвращался уже въ Москву и сталъ приготавливаться къ поѣздкѣ. Предполагалось, что путешественникъ объѣдетъ Молдавію, Большую и Малую Валахію, Болгарію и ту часть Европейской Турціи, которая занята была русскими войсками тотчасъ послѣ знаменитой кампаніи. Цѣль путешествія была ученая: осмотрѣть и описать архивы, бібліотеки; разобрать и описать печатныя книги и рукописи на языкахъ молдавскомъ, валашскомъ, греческомъ, а главнымъ образомъ на славянскихъ нарѣчіяхъ; снимать снимки, а если возможно, приобрѣтать подлинники; пользоваться всѣми топографическими, этнографическими, археографическими и историческими розысканіями, для уясненія славянской вообще и русской исторіи; но главнымъ образомъ поручено было заняться изученіемъ болгарскаго языка по его нарѣчіямъ, составленіемъ грамматики, словаря, собраніемъ достаточныхъ образцовъ и примѣровъ. Срокъ путешествія опредѣлялся годомъ. Однако съ мѣста своихъ изысканій ученый имѣлъ представить предположенія о возможности дальнѣйшихъ дѣйствій, какъ на примѣръ, поѣздки въ Македонію, на Аѳонскую гору, и т. д.

Съ 17-го марта, со дня прибытія въ Москву, Венелинъ дѣлалъ приготовленія къ далекому странствованію. Представлялось впереди обширнѣйшее поприще дѣятельности; исполнялась задуманная мысль; открывалось множество плановъ. Не говоря уже о разнообразныхъ изысканіяхъ, готова была осуществиться мысль, высказанная давно Шлецеромъ, въ его *Nordische Geschichte* (стр. 334): „Грамматика и словарь болгарскаго языка“, говоритъ онъ, — „должны быть для исторіи весьма важны. Можетъ быть, уцѣлѣли еще въ языкѣ нынѣшнихъ Болгаръ слова, которыя навели бы насъ на догадку, что за народъ были древніе не славянскіе Болгаре“. Тѣмъ не менѣе Венелинъ чувствовалъ какую-то робость: страна была слишкомъ мало извѣстна, носились кое-какіе неблагопріятные слухи, нашлись люди, пугавшіе предсказаніями малаго успѣха; разлитіе рѣкъ и ненастная погода удерживали на мѣстѣ. Съ этой эпохи начинается журналъ, который велъ онъ во время поѣздки и послѣ. Развернемъ первую страницу: „In Н. Д. О. М. — 1830 г., апрѣля 3, четвергъ. Хоть плыть да быть. Всталъ въ началѣ 10-го; отправился къ живописцу; засталъ его

нездоровымъ, отложили окончаніе портрета до понедѣльника; оттуда къ Муханову, не засталъ дома; отсюда зашелъ цѣшкомъ въ гимназію къ Оболенскому, просидѣлъ до 2-го часа; нашелъ у него *chronographiam Theophrastis*, которую я хотѣлъ было купить у Хрусталева на Ильинкѣ; приобрѣлъ за 30 рублей. Отворивъ книгу, какъ разъ попалъ на мѣсто, въ коемъ онъ *ad app. 618* говоритъ объ Гуннахъ слѣдующее (слѣдуетъ разборъ мѣста)... Отъ Оболенскаго отправился въ университетъ для полученія аттестата (лѣкарскаго); лестный отзывъ секретаря о Болгарахъ моихъ и совершенная перемѣна въ его обхожденіи со мною. Странное ощущеніе по полученіи аттестата, то-есть, увольненіи отъ университета: это эпоха въ жизни... Заѣхалъ къ переплетчику, взялъ домой словарь Россійской академіи и 9 тетрадей для путешествія. Изъ дому отправился къ Надеждину, не засталъ... Холодность Погодина. Почти цѣлый день огорченъ за намеднишній гадкій споръ. Въ вечеру началъ писать сіи записки; по сему случаю воспоминанія прошедшаго и какая-то предосторожность отъ будущаго. Досадовалъ, что, бросивъ медицину и насущный (хлѣбъ) на время, пустился въ изысканія, коихъ конца предвидѣть не можно, и кои въ сіе время столь мало цѣнятся. Вспомнилъ, что совершилось со мною предсказаніе незабвеннаго Чурговича ¹⁾; не знаю, куда шагну. Стѣсненіе въ груди, ощущеніе сильное одиночества на чужбинѣ, гдѣ не согрѣешься ни безкорыстною дружбою, ни откровенностью обхожденія. Праведный Боже! Что будетъ со мною!.. Что ни случись, не отвержи мене отъ Лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми отъ мене! Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей! Нечего дѣлать, пойду туда, куда бросаетъ меня судьба, для услуги народу, коего такъ жарко любилъ, по коему эта любовь въ тягость: примиряюсь съ иноплемениками". Мы видимъ здѣсь, съ одной стороны, нѣкоторую перемѣну сравнительно съ прежними мечтами, а съ другой—нѣкоторую боязливость предъ будущимъ. Въ Свѣтлое Воскресенье, 6-го числа, онъ занемогъ и первый рецептъ послалъ для самого себя. Однако, мало по малу, пришло здоровье и успокоеніе. 18-го апрѣля 1830 г., въ пятницу, выѣхалъ онъ изъ Москвы.

Мы должны сказать нѣсколько подробнѣе объ этомъ путешествіи,

¹⁾ Учителя его въ Унгварской гимназіи.

тѣмъ болѣе, что до насъ о немъ было очень мало извѣстно ¹⁾. Мы видѣли, что Венелинъ пускался въ путь съ радостью, и однако не безъ значительнаго приготовленія. Не говоримъ уже объ общихъ и прежнихъ свѣдѣніяхъ: онъ занимался сочиненіями, записками и разпросами о ближайшихъ къ предстоящему дѣлу свѣдѣніяхъ. Такъ, на примѣръ, въ послѣднее время онъ въ Москвѣ былъ въ ближайшихъ отношеніяхъ къ Кухарскому и началъ переводить даже извѣстія о его путешествіи, изданныя въ 1830 году; изъ бумагъ его видно, что онъ знакомился съ приемами ученыхъ путешествій, а изъ книгъ и распросовъ—съ тою страной, въ которую ѣхалъ. По всей дорогѣ въ дневникѣ своемъ обозначалъ онъ любопытныя замѣтки и подробности, географическія и статистическія. Скоро предчувствіе начало оправдываться—и раздраженіе усиливаться еще болѣе. Адріанопольскій миръ былъ заключенъ еще осенью предшествовавшаго года. Прибывъ въ Харьковъ 1-го мая, Венелинъ услышалъ здѣсь, что квартира второй арміи въ непродолжительномъ времени оставить Бургасъ и переведена будетъ въ предѣлы имперіи, но куда—неизвѣстно. Всю дорогу отъ Харькова до Одессы сопровождали путешественника извѣстія, умножавшія безпокойство: слышно было, что русскія войска въ разныхъ направленіяхъ, на Севастополь, Сатуново и Парканы, переходятъ въ Россію, и что главная квартира оставила Бургасъ еще 20-го апрѣля,—слѣдственно, какъ ни спѣши, онъ не могъ уже застать ее на мѣстѣ. Тоимый такою неизвѣстностью, въѣхалъ онъ въ Одессу 8-го мая. Нужно было дожидаться Новороссійскаго генераль-губернатора: отъ него только Венелинъ успѣлъ получить вѣрныя свѣдѣнія, и вслѣдствіе того тотчасъ отправился въ Тирасполь къ фельдмаршалу Дибичу. Послѣдній не предвѣщалъ ученому большихъ успѣховъ, указывая на глубокое невѣжество Болгаръ и вообще духовенства, сообщилъ нѣсколько совѣтовъ касательно посѣщенія главныхъ мѣстностей, и всего важнѣе, далъ бумаги къ генералу Киселеву, полномочному предсѣдателю дивановъ Молдавіи и Валахіи, въ главный штабъ и къ генералу Роту, командиру 5-го пѣхотнаго корпуса, который долѣе прочихъ имѣлъ оставаться за Дунаемъ. Возвратившись въ Одессу 22-го мая, Венелинъ все еще хотѣлъ отправиться сухимъ путемъ, чтобъ осмотрѣть устья Дуная и берега Болгаріи, какъ вдругъ про-

¹⁾ Путешествіе Венелина очерчено *особою* нашею статьею въ *Москвитининъ*: источникомъ для насъ служили собственныя донесенія, письма и путевой журналъ Венелина.

неся слухъ, что почта снята; кромѣ того, исчисляли всѣ неудобства отправки сухимъ путемъ, ибо надо было заводить собственный экипажъ и своихъ лошадей. Предстояла необходимость ѣхать моремъ, и прямо въ Варну, чтобы застать Рота и подъ его защитой совершить извѣстныя поѣздки: суда отправлялись туда довольно рѣдко; нужно было поджидать. Между тѣмъ изъ-за Дуная явилось въ Одессу нѣсколько Болгаръ и офицеровъ главной квартиры: они утверждали единогласно, что за Дунаемъ все опустѣло. Въ самомъ дѣлѣ, мусульмане еще прежде ушли за турецкими войсками, а жители христіанскаго вѣроисповѣданія продолжали слѣдовать за Русскими: послѣдніе тянулись длинными обозами, досиживали карантинъ, и наконецъ, какъ выходцы, селились въ Буджакѣ, Браиловскомъ округѣ, Молдавіи, Валахіи. Отъ Сливна до Бургаса города совершенно опустѣли; въ самой Варнѣ осталось жителей немного, со времени болѣзненнаго состоянія города. Амнистія, объявленная султаномъ, не прельщала христіанъ: они хорошо знали, что Турки не простятъ попытокъ возстанія; тамъ и сямъ завязывались сильныя распри, доходившія до кровопролитія. Въ скудномъ положеніи казны своей турецкое правительство обложило купечество и земледѣльцевъ тяжкими податями; запрещеніе вывоза хлѣба изъ Молдавіи и Валахіи пало прямо на жителей внутреннихъ областей, у которыхъ Турки отнимали послѣдній кусокъ хлѣба. Изъ бѣглецовъ, не хотѣвшихъ или не успѣвшихъ воспользоваться эмиграціей, образовались въ горахъ и по дорогамъ цѣлыя шайки: фирманъ султана не въ состояніи былъ защитить отъ нихъ; не защитилъ бы онъ и отъ Турокъ, которые въ ученое изыскательство видѣли бы подозрительнаго лазутчика или бунтовщика. При такомъ положеніи дѣла трудно было разчитывать на собраніе памятниковъ живаго слова; еще менѣе можно было надѣяться на письменные: все, что было дорогаго и замѣчательнаго въ этомъ отношеніи, разобрано и развезено было вслѣдъ за выходцами и духовенствомъ. Болѣе образованные Болгаре, которые могли бы быть руководителями, находились по городамъ Валахіи, Молдавіи, Бессарабіи, въ Германштадтѣ, въ Вѣнѣ, нѣкоторые даже въ Петербургѣ. Присоедините къ этому наконецъ то, что начиналась уже холера и готовилась чума, опустошившая въ послѣдствіи всю Болгарію. Венелинъ зналъ, Венелинъ писалъ обо всѣхъ обстоятельствахъ, уже въ Одессѣ; всякій могъ бы задуматься, — онъ ѣхалъ далѣе; не заботясь о своей личной безопасности, онъ утѣшался мыслию, „что если что было въ странѣ, занимаемой христіанами за Дунаемъ, то сохранилось, перешло съ бол-

гарскимъ духовенствомъ и народомъ на новыя жилища". Онъ ѣхалъ и предупреждалъ только: „Можетъ быть, дѣйствительно мѣстные обстоятельства уменьшатъ кругъ моихъ изысканій за Дунаемъ; но объ успѣхѣхъ буду имѣть честь донести императорской Россійской академіи. Дѣятельность моя будетъ въ томъ, чтобы нельзя было сдѣлать самому себѣ упрека; мнѣ предлежитъ, какъ вижу, поженокъ на нивѣ послѣ бури, и града, и вѣтра“.

Долговременное пребываніе въ Одессѣ не было отдано безплодному досугу. Венелинъ не упускалъ случая знакомиться со всеми мельчайшими подробностями, относившимися къ цѣли его путешествія. Отъ Герасима, Адрианопольскаго митрополита, пріѣхавшаго тогда въ Одессу, получилъ онъ весьма важныя, хотя и неутѣшительныя свѣдѣнія объ этой обширной епархіи, простирающейся отъ Сливна, Ямбола и Карнабата до Люссе-Бургаса. Но особенно важно было для него знакомство съ одесскимъ протоіеремъ П. С. Куицкимъ, находившимся прежде при экзархѣ Молдавіи и Валахіи Гавріилѣ (тогда уже покойникѣ): этотъ просвѣщенный мужъ, сотоварищъ нѣкогда по образованію Гнѣдича и Мартынова, извѣстный потомъ своими историческими и статистическими свѣдѣніями касательно Новороссіи, Молдавіи, Валахіи, раскрылъ предъ глазами путешественника цѣлую картину изученныхъ мѣстностей, рассказалъ о монастыряхъ, бібліотекахъ, хранилищахъ рукописей и грамотъ. Вмѣстѣ съ нимъ ѣздилъ Венелинъ въ Овидіополь, гдѣ, по словамъ одного Болгарина, хранилась историческая рукопись: къ сожалѣнію оказалось, что владѣтель ея переѣхалъ въ Николаевъ. За то поиски другаго рода были успѣшнѣе. Познакомившись хорошо съ наѣхавшими въ городъ Болгарами или жившими тамъ, онъ успѣлъ записать до 700 коренныхъ болгарскихъ словъ: „Первое основаніе болгарскаго словаря!“ восклицаетъ онъ съ восторгомъ въ одномъ изъ писемъ своихъ. Пѣсни доставались тяжелѣе: надлежало отыскивать болѣе простыхъ Болгаръ въ отдаленныхъ частяхъ города, и по нѣскольку разъ, иногда безъ успѣха, ходить къ нимъ въ жаркую пору. Въ одномъ письмѣ онъ насчитываетъ однако собраніе ихъ до 40 номеровъ; если не предположить пропажи, то вѣроятно, онѣ-то составляютъ большую часть собранія, оставшагося послѣ покойнаго. Сверхъ того, онъ успѣлъ уже сдѣлать довольно замѣтокъ, по разказамъ, о топографіи, чисто-болгарскихъ мѣстныхъ названіяхъ, палеографіи, и т. д.

Сѣвши на корабль іюня 27-го 1830 г., Венелинъ прибылъ въ Варну іюля 4-го и отправился тотчасъ къ генералу Роту; по его распоряженію,

снабженный провожатыми съ конвоемъ, приступилъ онъ къ осмотру — прежде самаго города, потомъ окрестныхъ мѣстъ. Прекрасныя и весьма любопытныя замѣтки, которыя удалось сдѣлать путешественнику на мѣстѣ своего назначенія, именно касательно этнографіи, топографіи, разнообразныхъ отношеній Болгаръ къ Туркамъ, все это встрѣчаемъ мы въ обилии въ дневникѣ и письмахъ. Къ сожалѣнію, они не могутъ войти въ настоящій очеркъ; мы должны ограничиться немногими чертами ученой дѣятельности Венелина, преимущественно въ отношеніи къ изученію языка, его памятниковъ и вообще народнаго образованія. Митрополитъ одного изъ трехъ Варнскихъ монастырей переселился въ смутное время въ Крымъ; паствою управлялъ какой-то случайный монахъ, отъ котораго Венелинъ не могъ добиться никакого толку: онъ сумѣлъ только показать какую-то маленькую медаль, на которой ничего нельзя было разобрать, и съ важнымъ видомъ предлагалъ уступить ее за 50 рублей. Такъ какъ монастыри въ Турціи ничѣмъ не могутъ располагать, и присылаемый митрополитъ, равно какъ паша, не представляютъ никакихъ отчетовъ, то у нихъ не можетъ быть ни грамотъ, ни бумагъ; однако почтенный Папась объявилъ, что у него есть грамота, но только не цареградская, а италіанская, и съ этими словами вытащилъ изъ кармана греческую азбуку венеціанской печати. Плохое состояніе епархіальнаго устройства, необразованность духовенства и частые перевороты служатъ причиною того, что нигдѣ почти нѣтъ ни дикастерій, ни архивовъ духовныхъ, такъ точно, какъ нѣтъ канцелярій и хранилищъ при пашахъ. И такъ, оставалось обратиться только къ болгарскимъ жителямъ, воротившимся недавно въ городъ, по прекращеніи болѣзни. Между ними не было ни одного грамотнаго; но вообще ихъ было довольно много, изъ разныхъ краевъ Болгаріи, и стало быть, можно было собрать довольно показаній очевидцевъ и туземцевъ. Поѣздки Венелина изъ Варны не могли простирались далеко: часть Румелии, обозначенная въ инструкціи академіи, совершенно почти опустѣла послѣ переселенія Болгаръ на правый берегъ Дуная; вмѣстѣ съ постепеннымъ выходомъ русскихъ войскъ, турецкая линія подвигалась къ Дунаю все ближе и ближе, доходя уже до рѣки Камчика, неподалеку отъ Варны; съ западной же стороны русская цѣпь простиралась уже только подъ Праводы, а оттуда къ Силистріи; для того, чтобы проникнуть внутрь турецкой линіи, надлежало сноситься съ визиремъ или съ Галиль-пашею, но какъ нарочно, въ то самое время войска получили отъ генерала поздравленія съ скорымъ походомъ, именно къ концу первой

половины августа: все двинулось къ приготовленію, и путешественнику осталось спѣшить воспользоваться послѣдними днями русской охраны. Кругъ его поѣздокъ долженъ былъ ограничиться указанными выше предѣлами. Выѣхавъ изъ Варны 22-го іюля въ направленіи на Коварну, Венелинъ успѣлъ осмотрѣть всѣ окрестности, нѣсколько развалинъ и два древніе монастыря—св. Константина и св. Димитрія. Разумѣется, опять нельзя было отыскать рукописей; богослужебныя книги встрѣчались всюду греческія, венеціанской печати. Нѣсколько оставшихся монаховъ предлагали по старому двѣ-три денежки, турецкихъ, италіанскихъ или польскихъ, называя это антиками. Выигрывало только описаніе мѣстностей: таково въ дневникѣ и письмахъ Венелина прекрасное описаніе Криницкой долины, въ двухъ верстахъ отъ моря; въ одномъ мѣстѣ ея лежали массивные четырехугольные камни, развалины нѣкогда большаго храма; Болгары лѣпили на нихъ восковыя свѣчи, зажигали и собирались вокругъ подъ тѣнью высокаго дуба и явора; на вопросъ путешественника: „Что вы здѣсь дѣлаете?“ одинъ старикъ отвѣчалъ: „Болѣрецъ, ни тука цръ куваме на Великъ день, на Гергѣвъ день, закалѣме агънца, сториме много ѣсте“. Кто хотѣлъ бы познакомиться съ подобными описаніями мѣстности, столько же живыми и яркими, сколько учеными, пропитанными, съ одной стороны, сужденіями человѣка образованнаго въ естественныхъ наукахъ, а съ другой критикою древнѣйшихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, проливающихъ свѣтъ на исторію, тому мы указали бы на превосходную и законченную статью Венелина, напечатанную уже послѣ его смерти въ Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ¹⁾: „О Соляномъ озерѣ Halmurgis“. Мѣстность эта осмотрѣна во время объѣздки окрестностей Бабадага. Другая статья, равно важная, но ушедшая далеко въ вопросы геологіи и фізіологіи, остается доселѣ въ бумагахъ покойнаго: это описаніе Добрицы, получившей у Турокъ названіе Доброджа или Добруджа, и отсюда снова перешедшей къ Славянамъ въ формѣ Добручи, извѣстной страны, простирающейся отъ Варны и Силистріи до Исакии.

Побывавъ въ Коварнѣ, Мангаліи и Кюстенджи, и оставя ихъ, Венелинъ съ 27-го іюля пробылъ цѣлую недѣлю въ Бабадагѣ, куда переселилось очень много Болгаръ изъ Разграда. Между ними одинъ только былъ грамотный и довольно хорошо писалъ полууставомъ. Онъ разказывалъ объ одной исторической болгарской ру-

¹⁾ Годъ 2-й, № 6, 1874.

кописи, увезенной изъ Аѳонскаго монастыря и перешедшей къ какому-то священнику, мѣстопробыванія и имени котораго однако не зналъ онъ; упоминалъ еще о другихъ двухъ, на нынѣшнѣмъ болгарскомъ нарѣчїи, изъ коихъ одна толковала о царѣ Александрѣ. Вскорѣ случай, вѣроятно стоявшій въ связи съ этими разказами, навелъ-было Венелина на слѣды весьма важнаго открытія: онъ такъ любопытенъ и такъ хорошо характеризуетъ его дѣятельность что мы рѣшаемся привести случай этотъ, слова позднѣйшаго письма (1837 года) къ В. Е. Априлову. „Въ Бабадагѣ“, пишетъ Венелинъ,—„я встрѣтилъ бывшаго логовета (секретаря) Рущукскаго епископа, изъ Болгаръ. Мнѣ сказали, что у него есть старинная болгарская рукопись на пергаментѣ, подъ именемъ Цароставникъ. Судя по словамъ объ ея содержаніи, я ясно понялъ, что это неоцѣненная находка для исторіи Болгаръ, тѣмъ больше, что въ греческихъ источникахъ одни только отрывки, да и тѣ еще пристрастные. Цѣлую почти ночь я не могъ спать отъ радости, въ надеждѣ пріобрѣсти это сокровище, сколько бы за него ни запросили. Но, увы! къ несчастію болгарской исторіи, случился тутъ другой Болгаринъ, родомъ изъ Бессарабіи. Онъ прежде служилъ простымъ копистомъ при измаильской полиціи; но, какъ зналъ, кромѣ болгарскаго и русскаго, и турецкій языкъ, то былъ употребленъ переводчикомъ въ Бабадагѣ и вмѣстѣ сдѣлавъ чорбаджи (старостой) разградскихъ Болгаръ, поселившихся возлѣ Бабадага. Къ этому мудрецу мой логоветъ пристроился помощникомъ. Такъ какъ они вмѣстѣ жили, а книга находилась въ деревнѣ при семействѣ логовета, и мнѣ общали, что велѣтъ привезти ее въ городъ, то я дѣлалъ этимъ господамъ нѣсколько посѣщеній. Вскорѣ однако, къ моему прискорбію, логоветъ скрылся безъ вѣсти, а чорбаджи Петро сталъ меня принимать очень холодно и недовѣрчиво. Не смотря на эти гримасы, я снова просилъ извѣстить логовета, что я готовъ дать ему за рукопись 300 или 350 рублей. Но его *il padrone* довольно грубо отвѣчалъ мнѣ, что логоветъ уѣхалъ за Балканы вмѣстѣ съ семействомъ и Цароставникомъ! Я почти со слезами уѣхалъ изъ Бабадага въ Гирсово. Только уже въ Силистріи узналъ я отъ прибывшихъ туда Болгаръ, что Петро посаженъ подъ арестъ за то, что муку и пшеницу, которую велѣно было ему раздавать Болгарамъ безденежно, онъ изволилъ продавать имъ же по четыре рубля. Боясь, по внушенію совѣсти, навлечь на себя подозрѣніе, мой драгоманъ вообразилъ, что я только подъ предлогомъ любви къ Цароставнику посѣщаю его помощника, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы узнать

объ его невинныхъ грѣхахъ; и вслѣдствіе предосторожности, онъ запретилъ своему помощнику являться въ Бабадагъ, пока я тамъ пробуду... Богъ знаетъ, гдѣ теперь гуляетъ бѣдный болгарскій Цароставникъ! Можетъ быть, теперь его уже на бѣломъ свѣтѣ нѣтъ. Печальная мысль! Кто же его могъ лучше спасти, какъ не я? Вольно же было судьбѣ, чтобы Болгаринъ же отбилъ его у меня!“ Подобная же исторія, прибавляетъ Венелинъ, — случилась съ нимъ и въ Варнѣ. Еще на дорогѣ изъ Гирсова почувствовалъ онъ себя дурно, а въ самый день пріѣзда въ Силистрію, 6-го августа, слегъ въ сильныхъ горячешныхъ припадкахъ; съ помощію вольной аптеки, черезъ нѣсколько недѣль возстановивъ свое здоровье, въ то же время долженъ былъ онъ лѣчить захворавшаго человѣка. Выздоровленіе, при изнуреніи силъ, продолжалось медленнѣ самой болѣзни. Мало утѣшали и приобрѣтенія: оставалось собирать извѣстія и слухи, но и тѣ скорѣе раздражали, чѣмъ успокоивали. Епархіальное начальство состояло изъ Грековъ и Молдаванъ, а богослужебныя книги при нихъ — на языкѣ греческомъ или валашскомъ; ни въ одномъ изъ окрестныхъ болгарскихъ селъ не было священника, и жители, не успѣвая иногда прислать въ Силистрію, умирали часто безъ таинствъ, оставались не крещенными до совершеннолѣтняго возраста. Такому печальному состоянію соотвѣтствовала, конечно, и образованность, и данныя, встрѣченныя путешественникомъ. Здѣсь-то встрѣтилъ онъ того мальчика, о которомъ такъ часто упоминалъ послѣ въ своихъ сочиненіяхъ, и который, какъ кажется, подалъ поводъ къ любимой его мысли, впоследствии болѣе развитой, о томъ, что изобрѣтеніе славянской азбуки, происшедшее мало по малу изъ употребленія греческой, не можетъ быть приписано какому-либо отдѣльному лицу. Мифъ этотъ, встрѣчающееся и во 2-мъ и въ 3-мъ томѣ Изысканій, высказано еще въ отдѣльной статьѣ, помѣщенной также по смерти Венелина, въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс.¹⁾: „О времени рожденія названій: греческое, латинское, нѣмецкое, русское или гражданское, славянское или церковное письмо“. Дѣло въ томъ, что мальчикъ писалъ болгарскія слова греческими буквами, примѣняя послѣднія къ первымъ, и увѣряя, что пишетъ по болгарски: примѣръ этотъ одинъ изъ тысячи подобныхъ того времени. Онъ стоитъ въ

¹⁾ Годъ 2, № 9 (1847), въ отдѣлѣ «Изслѣдованій», стр. 58—76.

связи съ тѣмъ любопытнымъ фактомъ, что К. Экономидъ ¹⁾ подобные образцы славянской рѣчи, писанные греческими буквами, призналъ за эолійское нарѣчіе, а Глаголевъ ²⁾ развилъ отсюда глубокомысленные выводы ³⁾.

Особенно много извѣстій сообщили Венелину въ Силистріи Ахметъ-Ага Войковичъ, Славянинъ-магометанинъ изъ Македоніи, и тръновскій уроженецъ, лѣкарь Кальчо Петковъ или Кальцовъ. Последний, описавъ подробно состояніе Тръновской епархіи, разказывалъ, что при тамошней митрополіи находилось нѣкогда, по разказамъ отца его, богатое собраніе болгарскихъ пергаменныхъ рукописей, какъ остатокъ Шишмановской библіотеки, находившейся при церкви царя Шишмана въ Тръновѣ; когда церковь отнята была Турками и обращена въ мечеть, часть книгохранилища спасена была, и старикъ видѣлъ въ ней, между прочимъ, Цароставники; но вскорѣ по водвореніи въ Тръновѣ греческихъ экзарховъ, около 1794—1798 года, строеніе, служившее при монастырѣ помѣщеніемъ для высшаго духовнаго начальства, сгорѣло вмѣстѣ съ библіотекой; при митрополіи не осталось ничего, кромѣ трехъ какихъ-то книгъ, валившихся на полѣхъ. Сверхъ того, Кальцову удалось видѣть, годъ тому назадъ, одинъ Цароставникъ въ Тръновѣ у купца Хаджи-Огло, который съ того времени проживалъ въ Букарештѣ.

Собравъ подробныя свѣдѣнія о Тръновѣ, Разградѣ и другихъ краяхъ собственной Болгаріи, Венелинъ не могъ ожидать найти тамъ что-либо особенное и долженъ былъ разочароваться во многихъ мечтахъ своихъ. Всѣ извѣстія указывали только на глушь малоизвѣстной Македоніи, на монастырь Іоанна Рыльского, да на обители Аѳонской горы, въ особенности Хилпидарскую и Зографскую. Но обстоятельства, изложенныя выше, наступающее ненастное время года, и наконецъ, срокъ, назначенный инструкціей, все это не позволяло Венелину пускаться въ даль; нужно было отказаться отъ своего страстнаго желанія; по крайности не терялась надежда: „одно вѣчное мое желаніе“, говорилъ Венелинъ, — „побывать на Аѳонской горѣ“; тѣмъ болѣе этого хотѣлось, что по собраннымъ

¹⁾ Въ извѣстномъ сочиненіи «Опытъ о ближайшемъ сродствѣ языковъ слав. Росс. съ греч.», С.-Пб. 1828, т. III.

²⁾ Въ своихъ «Умозрительныхъ и опытныхъ основаніяхъ словесности», С.-Пб., 1834, ч. I.

³⁾ Венелинъ, О зародышѣ новой болгарской литературы, кн. I, 1828, стр. 18 и далѣе.

извѣстіямъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, монахи продали оттуда 12 рукописныхъ фоліантовъ иностранцамъ за 7,000 піастровъ: „Мнѣ очень хотѣлось бы“, прибавляетъ ученый въ одномъ письмѣ,—„хотя бы даже поглядѣть на то мѣсто, гдѣ стояли фоліанты“. Дѣлать было нечего; онъ утѣшался мыслию, совершенно вѣрною: какъ изъ древнѣйшей эпохи болгарскія рукописи сохранены были въ Россіи, такъ въ позднѣйшее время убѣжищемъ ихъ служила, вмѣстѣ съ Аеономъ, Молдавія и Валахія, подъ сѣнію болгарскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ властителей.

Туда же, на правый берегъ Дуная, стремились всѣ образованные Болгаре и цѣнители рукописей, ибо учителя и ученые должны были всегда платить равную подать съ прочими, а субаши не принимали, по курсу, ума и образованія. Наконецъ, въ самое послѣднее время, въ предѣлахъ Россіи начала образовываться Малая Болгарія, изъ переселенцевъ и выходцевъ. Итакъ, оставалось искать Болгарію внѣ ея собственныхъ предѣловъ: 24-го сентября Венелинъ былъ уже въ Букарештѣ.

Что же собственно вывезъ онъ съ собою изъ-за Дуная? Прежде всего нужно замѣтить, что, помимо изложенныхъ выше обстоятельствъ путешествія, Венелину очень много вредила въ изысканіяхъ неопредѣленность цѣли, и въ особенности, ея главное раздвоеніе: поиски археологическіе, преслѣдованіе рукописей, и въ то же время изученіе живаго народнаго языка; то и другое вмѣстѣ требовало бы гораздо большаго времени, а въ короткій срокъ одно мѣшало другому; для первой цѣли нужно было бы съѣздить только къ нѣкоторымъ пунктамъ и непременно пробраться въ монастыри и церкви Македоніи и Аеоны; для второй цѣли нужно бы устранить археологію и прилежнѣе записывать образцы мѣстной рѣчи по разнымъ краямъ. Путешественникъ сдѣлалъ однако все, что могъ. Онъ успѣлъ вывезти только пять незначительныхъ рукописей; объ остальныхъ онъ только слышалъ или нападалъ на слѣды; кромѣ того, здѣсь дѣйствовала, какъ узналъ и говорилъ онъ впоследствии самъ, „врожденная Болгарамъ, сопряженная съ необразованностію, нѣкоторая недовѣрчивость. Я на опытъ узналъ, что иные дѣйствительно отъ меня скрывали свои книги, коими, по неимѣнію печатныхъ, чрезвычайно дорожатъ... Дорожа своими книгами, не легко рѣшаются и за деньги уступать оныя; иные же, интересаны, за небольшую книжицу думаютъ составить свою фортуна“. Составивъ записки по крайности о встрѣчавшихся печатныхъ книгахъ, онъ обратился въ живой рѣчи. Здѣсь прежде

всего интересовали пѣсни, и дѣйствительно, съ самаго начала поѣздки до конца жизни Венелинъ горячо хлопоталъ о нихъ. Предполагая, и даже по достовѣрнымъ слухамъ зная существованіе многихъ историческихъ пѣсень — о царѣ Александрѣ, Шишманѣ, Страшимирѣ, Кало-Іоаннѣ, о паденіи Болгаріи, лицахъ средневѣковыхъ, хайдукахъ, кирджалияхъ, и т. д., онъ успѣлъ однако записать весьма малое количество, и то не важнаго содержанія: „Простой Болгаринъ“, говоритъ онъ въ письмѣ къ В. Е. А., — „который увѣренъ, что Россіянина можетъ интересовать только русская пѣсня, никакъ не повѣрить, что его можетъ интересовать и болгарская. Вотъ почему всякій разъ, когда я просилъ господъ Болгаръ продиктовать мнѣ пѣсню, они удивлялись, не понимая, къ чему это, наконецъ заключали, что въ этомъ таится что-либо тайное, и — начисто отказывали.... Одни подстрекали другихъ не давать мнѣ пѣсень (по словамъ ихъ, петербургскимъ или московскимъ генераламъ нѣтъ никакой нужды пѣть болгарскія пѣсни), а другіе смотрѣли мнѣ въ карманъ“. Это совершенно напоминаетъ намъ В. С. Караджича, который въ подвигахъ своихъ подвергался часто той же участи ¹⁾. Гораздо больше успѣлъ Венелинъ съ другихъ сторонъ изученія живаго языка: бѣдные молодые люди, вслѣдствіе смутныхъ обстоятельствъ бросившіе родительскій домъ, скитались по Мизіи, „подобно провансальскимъ рыцарямъ“, или пускались въ мелочную торговлю; въ Силистріи они набрались рѣшительно изъ всѣхъ краевъ Болгаріи: въ безпрестанномъ разговорѣ съ ними Венелинъ такъ много усовершенствовался, что его стали считать за природнаго Болгарина. Огромные списки словъ и попытки привести въ систему спряженіе глаголовъ послужили матеріаломъ для будущей грамматики; изученіе собственныхъ именъ, на которыя

¹⁾ Записанныя самимъ Венелинымъ пѣсни немногочисленны, но ему довольно присылали въ Москву поздравленія, при возвратѣ: это и вошло все въ наше обширное изданіе «Болгарскихъ пѣсней», съ очеркомъ исторіи, эпоса, изслѣдованіемъ объ языкѣ и правописаніи, комментаріями, словаремъ; издано въ 1855 г., въ двухъ частяхъ. Впослѣдствіи, за 25 лѣтъ, матеріалы наши возросли чрезвычайно а 1-е изданіе (въ добавокъ истреблявшееся усердно Турками и Греками на мѣстѣ, куда мы разослали отдѣльные экземпляры) сдѣлалось большою рѣдкостью (въ Болгаріи цѣнится почти какъ Библія; за границей стоитъ 40—50 талеровъ; Дозонъ не могъ сыскать; ср. адресъ нашъ отъ Болгаръ въ 1878 г., тогда же отпечатанный извлеченіемъ въ газетахъ): второе, въ четырехъ уже томахъ, мы начали печатать и посвятили сперва Государю покойному, а нынѣ получили Высочайшее разрѣшеніе на посвященіе и Государю царствующему.

путешественникъ постоянно обращалъ свое вниманіе, оставило весьма любопытныя замѣтки въ его журналѣ и послужило разъясненіемъ многихъ вопросовъ, которые авторъ рѣшалъ прежде наугадъ: такъ онъ, напримѣръ, крайне обрадовался, отыскавъ въ новѣйшемъ употребленіи имена всѣхъ членовъ Аттилина рода; объ этомъ часто говоритъ онъ въ письмахъ, въ сочиненіи „О характерѣ народныхъ пѣсенъ у Славянъ задунайскихъ“ (1835 г., стр. 18 и далѣе), и главнымъ образомъ въ статьѣ, назначенной для Чтеній Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. и не выпущенной по нѣкоторымъ обстоятельствамъ. Болѣе же всего выиграло, кажется, изъ путешествія за Дунаемъ живое и яркое представленіе топографическихъ и этнографическихъ особенностей: оно отозвалось на нѣсколькихъ послѣдующихъ статьяхъ и сохранилось во второй части дневника, которая вся наполнена подобнаго рода замѣтками, основанными на собственныхъ наблюденіяхъ или достовѣрныхъ показаніяхъ. Вообще объ части дневника, равно какъ письма и донесенія изъ путешествія и о путешествіи Венелина, составляютъ самый любопытный отдѣлъ въ его бумагахъ.

Первую недѣлю Венелинъ провелъ въ Букарештѣ, отыскивая Болгаръ и изслѣдуя состояніе ихъ образованности. Въ полу-европейскомъ городѣ, съ 10,000 Болгаръ, большею частію негоціантовъ, торговцевъ, ремесленниковъ, находилось одно только такъ-называемое славянское училище, въ которомъ однако учили читать по румунски. Учитель Василій Ненавичъ, извѣстный своею „Священною исторіей ветхаго и новаго заветъ“ (Будинъ, 1825 г.), показалъ ему нѣкоторые слабые опыты грамматики и словаря, печатаніе которыхъ Венелинъ посоветовалъ однако отложить; вскорѣ обстоятельства отвлекли его и отъ этихъ занятій. Другіе Болгаре, съ которыми познакомился Венелинъ, оказались впоследствии ревнителями просвѣщенія, но въ то время не могли много сообщить ему; иные разбѣлись по другимъ городамъ, иные только послѣ узнали, что Венелинъ жилъ въ Букарештѣ. Дѣло въ томъ, что потерявъ надежду получить отъ Болгаръ какія-либо археологическія или историческія данныя, путешественникъ все свое вниманіе устремилъ на митрополичью бібліотеку. Послѣ похода Петра Великаго на Прутъ и по выѣздѣ Кантемира въ Россію, Портѣ внушили мысль устранить отъ престола Валахій бывшую дотолѣ болгарскую династію Владиславичей и замѣнить властителей обоихъ княжествъ цареградскими фанаріотами. Въ правленіе послѣднихъ, въ теченіе XVIII вѣка, болгарскій языкъ изгнанъ изъ церквей и присутственныхъ мѣстъ, гдѣ дотолѣ имѣлъ онъ господство,

по крайности въ Валахіи (въ Молдавіи имѣлъ мѣсто языкъ малорусскій). Для Болгаріи была еще прежде надежда на Тръновскаго патріарха: въ его десяти епархіяхъ начали появляться въ XVIII вѣкѣ зачатки образованія и рукописей на языкѣ ново-болгарскомъ: скоро, впрочемъ, въ исходѣ второй половины вѣка, явились и здѣсь также Греки, а вмѣстѣ съ ними начала исчезать грамотность, ея остатки, ея начала. Вмѣстѣ съ тѣмъ валашское и молдавское духовенство, признававшее прежде главу свою въ Охридѣ, перешло къ Цареградскому патріархату; князья, преслѣдуя славянское богослуженіе, перевели священныя и церковныя книги на валашскій языкъ. Тѣмъ не менѣе ходъ событій, колебавшій Турцію съ конца прошлаго вѣка, привелъ въ Валахію и Молдавію множество новыхъ жителей — Болгаръ, развившихъ торговлю и потомъ положившихъ начало просвѣщенію отечества. Венелинъ не успѣлъ сблизиться съ ними въ Букарештѣ: за то онъ обратился со всѣмъ рвеніемъ къ тѣмъ сокровищамъ, которыя сохранились отъ временъ болгарской династіи. Разумѣется, онъ долженъ былъ встрѣтить нѣкоторую недовѣрчивость въ туземцахъ и хранителѣ библиотеки — Волохѣ: „Археологическаго любопытства просвѣщенныхъ народовъ они понять не могутъ, и все одинъ вопросъ имъ мерещится: что за дѣло Москалямъ до нашихъ грамотъ?“ (изъ письма В.). Эти обстоятельства нерѣдко мѣшали изысканіямъ: „Я былъ бы довольно счастливымъ“, пишетъ Венелинъ, — „еслибы не мѣшали моему спокойствію. Мнѣ кажется, что я между четырьмя глазами. Это часто заставляеть меня погружаться въ самыя печальныя догадки. Я теперь также несчастенъ, какъ и Жанъ-Жакъ нѣкогда въ Лондонѣ“. Одно только покровительство русскаго предсѣдателя дивана помогло продолженію дѣла. Оно не могло однакоже избавить Венелина отъ затрудненій архивскихъ: нужно было по порядку и порознь разбирать каждый бумажный пакетъ; иной требовалъ дня, иной двухъ; иной доставлялъ грамоту, иной небольшую выписку, иной просто ничего. Въ бумагахъ покойнаго осталась память этихъ трудныхъ работъ въ цѣлой большой книгѣ замѣчаній, выписокъ, таблицъ годовъ, именъ господарей, и т. д. За то, по крайней мѣрѣ, трудъ вознаграждался достойнымъ усиліемъ: списаны десятки грамотъ, для важнѣйшихъ сдѣланы снимки, собрано много примѣчаній и объясненій. Нѣсколько мѣсяцевъ Венелинъ провелъ въ монашескомъ уединеніи и былъ чрезвычайно доволенъ открытіями: „Я радъ, что въ августѣ стеченіе обстоятельствъ не позволило мнѣ за Балканы, ибо остался бы безъ того, чѣмъ теперь утѣшаюсь, и можетъ быть, на

возвратномъ пути, въ Валахіи не случилось бы мнѣ такъ копѣть и перечитывать, какъ нынѣ" (изъ письма). Къ этому присоединилось еще обстоятельство, которое мы разкажемъ также словами путешественника: „Библіотека заключаетъ въ себѣ много отборныхъ и отчасти рѣдкихъ сочиненій: въ ней находятся и фоліанты пѣкоторыхъ рѣдкихъ Византійцевъ, коихъ я зналъ по однѣмъ только цитатамъ. Это было для меня, при настоящихъ моихъ занятіяхъ, не менѣе важною находкою, какъ и граматы... Я перетаскиваю къ себѣ на домъ фоліанты Никифора Григоры, Лаоника Халкокондилы, Георгія Акрополита, Михаила Дуки. И какъ всякій почти Византіецъ имѣетъ особенную свою географію и номенклатуру собственныхъ именъ, то иначе ими воспользоваться въ полной мѣрѣ нельзя, не изучивъ ихъ прилежно отъ доски до доски и не обративъ вниманія на греческій текстъ. Такимъ образомъ я списалъ почти весь Хроиконъ Акрополита, съ выносками греческаго текста, въ коихъ обнаруживается множество ошибокъ въ латинскомъ переводѣ. Сей писатель весьма важенъ для болгарской исторіи, отчасти важенъ и для русской. Въ Москвѣ, гдѣ ихъ впрочемъ нѣтъ, я бы никогда не могъ ихъ читать съ тою разборчивостью и догадливостью, какъ на берегахъ Дуная или Марицы. Проницательный Леунклавій одолженъ славными своими замѣчаніями на турецкія лѣтописи тому только, что ѣздилъ читать латинскій ихъ переводъ нарочно въ Стамбулъ. Я бы себѣ не простилъ, еслибы возлѣ граматъ не занялся и сими фоліантами“. Что касается до остальныхъ граматъ, хранившихся у бояръ, то къ нимъ доступъ былъ слишкомъ затруднителенъ: содержаніе ихъ, дававшее права дворянства и помѣстій, казалось слишкомъ важно, чтобы обнаружить его предъ Москалемъ, при общемъ нерасположеніи тамошнихъ бояръ къ Славянамъ. Княжество само не имѣло архива, и потому, послѣ митрополіи, слѣдовало обратиться къ монастырямъ.

Къ сожалѣнію, здѣсь оставляютъ насъ и дневникъ, и письма Венелина. Знаемъ только, что пробывъ пять мѣсяцевъ въ Букарештѣ, онъ отправился въ Молдавію, и потомъ по Бессарабіи въ Кишиневъ, гдѣ оставался два мѣсяца. Въ Кишиневѣ, между прочимъ, изучалъ онъ отъ выходцевъ языкъ албанскій, осматривалъ окрестныя мѣстности и монастыри, наконецъ познакомился съ Иваномъ Манойловымъ, сыномъ одного болгарскаго священника изъ села Жеравны, что въ Балканахъ, по дорогѣ отъ Котла (Казань) къ Сливну. У него нашелъ онъ случайно нѣсколько листовъ ветхаго пергамента, богослужебнаго содержанія, почерка XIV вѣка (послѣ эти листы отданы

И. И. Молнаромъ въ бібліотеку М. П. Погодина). Оказалось, что дома у нихъ былъ цѣлый сундукъ подобныхъ рукописей, вышиною въ ростъ человѣка; дѣти рвали понемногу листы для разныхъ нуждъ, и потомъ, убѣгая отъ Турокъ въ Россію, бросили вовсе остатокъ сокровища въ избѣ. Это открытіе, какъ оно ни было при-скорбно, вознаграждало все-таки безплодность другихъ поисковъ: такъ, напримѣръ, въ теченіе всего времени, Венелинъ могъ записать въ Кишиневѣ одну только болгарскую пѣсню. Вообще какъ кажется, по выѣздѣ изъ-за Дуная, онъ не приобрѣлъ много новыхъ свѣдѣній въ живомъ языкѣ; по крайней мѣрѣ намъ не осталось данныхъ. Собственная болѣзнь и распространившаяся по Бессарабіи холера удержали Венелина отъ предполагаемой поѣздки въ Акерманъ и Бѣлградъ для посѣщенія и обзора колоній. Отправившись прямо въ Одессу, онъ выѣхалъ отсюда, въ началѣ лѣта, въ обратный путь. На дорогѣ, особенно въ Харьковѣ, удерживало его довольно долго изученіе малорусскаго языка. Въ половинѣ августа былъ онъ въ Курскѣ, изучалъ его, какъ всѣ проѣзжіе города, и собралъ нѣсколько данныхъ для прежней его исторіи. Въ октябрѣ прибылъ въ Москву и 12 ноября 1831 г. окончательно устроился въ ней. Такимъ образомъ поѣздка его изъ Москвы совершена была въ теченіе полутора года.

Чтобы не прерывать описанія важнѣйшаго подвига въ жизни Венелина, мы посмотримъ теперь, какъ въ слѣдующіе за поѣздкою годы распорядился онъ привезенными матеріалами. Готового не было ничего, кромѣ развѣ лѣсенъ, да и то число ихъ, восходившее до 50-ти, казалось недостаточнымъ для изданія. Нужно было привести въ порядокъ собранныя рукописи и граматъ, а потомъ составить грамматику: первыя требовали еще очень большаго труда, послѣднюю нужно еще было сочинить, на основаніи отысканныхъ данныхъ. То и другое требовало довольно времени, а прожитіе—денегъ, а такъ какъ деньги доставались только уроками и статьями, то разумѣется, дѣло шло довольно медленно. Черезъ два года, въ началѣ 1833 года, въ Петербургъ были посланы Венелинымъ Влахо-болгарскія граматъ и собраніе сдѣланныхъ снимковъ: самые памятники не представляютъ особенной важности въ смыслѣ общей исторіи, но живо изображаютъ внутреннюю, нравственную и юридическую жизнь обитателей Валахіи; къ каждой граматѣ присоединено истолкованіе, названное словникомъ, съ подробнымъ объясненіемъ многихъ мѣстъ и словъ, съ критическою осторожностью и обдуманностью; въ концѣ

помѣщена роспись болгарскихъ именъ, при которой сочинитель выставилъ всю важность именописи (*ονοματογραφία*); снимки передаютъ живую исторію подунайской палеографіи. Къ сожалѣнію, Венелинъ не дождался выхода въ свѣтъ своего сочиненія; 66 граматъ и 20 снимковъ изданы были академіей въ 1840 году, подъ заглавіемъ: „Влахо-Болгарскія или Дако-Славянскія граматы, собранныя и объясненныя Ю. Венелинымъ С.-Пб. Въ 1835 году, лѣтомъ, окончена грамматика, и для сбереженія тратъ пересылки, доставлена въ академію съ однимъ молодымъ ученымъ К. Самъ авторъ относился объ ней такъ, что въ ней передано живое нынѣшнее болгарское нарѣчіе, съ показаніемъ отличія отъ стараго болгарскаго и другихъ славянскихъ нарѣчій; что она писана для Русскихъ, а слѣдовательно, для всякаго европейскаго филолога; что по тому самому, наконецъ, приняла она видъ не школьный, но академическій. Для того, чтобы оцѣнить этотъ трудъ, нужно взять во вниманіе нѣсколько обстоятельствъ. Вопервыхъ, извѣстна мысль сочинителя, что Болгары суть вѣтвь Руси, и языкъ ихъ—нарѣчіе языка русскаго: этой любимой мысли жертвовалъ онъ множествомъ трудовъ своихъ. Вторыхъ, во время поѣздки своей, какъ замѣтили мы выше, не могъ онъ въ подробности изучить многія мѣстныя подрѣчія и говоры, не былъ даже въ тѣхъ главныхъ мѣстахъ, по которымъ характеризовалъ различіе нарѣчій; обращая преимущественное вниманіе на рукописи и книги, равно какъ на языкъ Болгаръ въ предѣлахъ Дунавѣ, онъ легко могъ составить совершенно особыя понятія, ибо извѣстно, какъ легко языкъ болгарскихъ книгъ, болгарскихъ выходцевъ и людей болѣе или менѣе образованныхъ подчиняется вліянію формъ церковно-славянскихъ, равно какъ формъ другихъ нарѣчій. Третьихъ, грамматикѣ своей Венелинъ придавалъ значеніе опыта, выражая въ то же время желаніе составить впоследствии „Критическую грамматику церковно-болгаро-русскую, съ примѣненіемъ къ оной прочихъ славянскихъ нарѣчій“. Наконецъ, по мнѣнію нашему, въ трудѣ этомъ особенно важны собранные матеріалы, и съ этой стороны драгоценна та огромная кipa бумагъ, которая осталась въ черновой работѣ. Какъ бы то ни было, 20-го сентября 1835 года, Венелинъ получилъ отзывъ А. Х. Востокова, которому трудъ отданъ былъ академіей на разсмотрѣніе: „Не смотря однакожь на сіе“—сказано въ концѣ отзыва—„и на другія мѣста, въ которыхъ я не могу согласиться съ г. Венелинымъ, нахожу я въ грамматикѣ его весьма много дѣльнаго, и полагаю, что изданіе ея въ свѣтъ принесетъ большую

пользу языкознанію славянскому". Въ переговорахъ о печатаніи, которое Венелинъ хотѣлъ вести самъ, прошло довольно много времени; наконецъ, въ октябрѣ 1837 года, онъ получилъ отъ академіи извѣщеніе, что грамматика вновь пересмотрѣна особымъ комитетомъ, и членами его единогласно высказанъ неблагопріятный отзывъ ¹⁾. Что касается до остальныхъ бумагъ по поѣздкѣ, Венелинъ не привелъ ихъ въ порядокъ и не издалъ въ свѣтъ, не смотря на то, что онѣ чрезвычайно любопытны.

Теперь возвратимся назадъ, и не перечисляя еще сочиненій, скажемъ нѣсколько словъ о самой жизни Венелина. Съ горячимъ сердцемъ и характеромъ пылкимъ, но съ плохимъ здоровьемъ и раздражительными нервами, онъ принималъ болѣзненно къ сердцу малѣйшія неудачи и непріятности, и хотя снова, при улучшеніи обстоятельствъ и движеніи всколебавшейся мысли, возрождался къ новой и свѣжей энергіи, но то общее положеніе, въ которое поставила его судьба, постоянно тяготило его и неотразимо разрушало организмъ. Средства жизни, добываемыя трудомъ уроковъ и журнальныхъ статей, постоянно ставили его въ зависимость, постоянно связывали, въ такомъ возрастѣ, когда мужчина требуетъ уже самостоятельности. Въ продолженіе поѣздки часто горевалъ онъ о Москвѣ и друзьяхъ, не вспоминаяшихъ его письмами: по возвращеніи не было причины радоваться и быть довольнымъ. Одно письмо, писанное имъ въ Москвѣ къ близкому человѣку, характеризуетъ очень многое: „Ты знаешь“, говоритъ онъ,— „что я изъ своего путешествія вывезъ растерзанную душу. Un cruel souvenir fait chaque fois tressaillir tout mon corps, tout mon intérieur. Само собою разумѣется, что подобная рана не легко можетъ залѣчиться: впрочемъ, многое можно было ожидать отъ времени и отъ дружбы. Ты, чай, можешь догадаться, сколь дорога для меня дружба, о которой я мечталъ, просилъ, умолялъ во всякомъ почти моемъ письмѣ. Дружба могла, говорю я, наложить отчасти спасительный пластырь. Сверхъ сего, пріятныя развлеченія могли меня заставить забыть убійственное воспоминаніе. Зная себя, я долженъ былъ удерживаться отъ всего того, ce qui exigeait de la patience, et même donner lieu à la colère. Это было преимущественно ученіе дѣтей, тѣмъ болѣе дѣтей несносныхъ. Даже и съ занятіемъ надлежало обхо-

¹⁾ Такъ грамматика и осталась доселѣ не напечатанною, хотя И. И. Молнаръ сильно хлопоталъ о ней; О. М. Бадяевскій все собирался пересмотрѣть ее, чтобъ отпечатать въ *Ученіяхъ*, но не собрался и также скончался.

дѣться осторожно: вѣдь утомленное сердце развѣ излѣчиваютъ новымъ утомленіемъ?.. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ я ѣхалъ въ Москву, ѣхалъ обнять васъ: мнѣ стало немножко легче. Стала проходить недѣля, другая, я сталъ скучнѣе; не подумай, что я могъ желать, que l'on me fit la cour: non c'est mon mal, qui l'exigeait; j'ai eu besoin de prévenances dues à tous les malades, car c'est le droit du malade. Outre cela je n'ai pas pu trouver des vrais amusements, car à Moscou on ne suit pas s'amuser réellement. Personne n'est venu me voir; je m'apercevais trop seul; ma douleur, produit de la vie solitaire, a recommencé; tout le mal était concentré dans ma poitrine; j'étouffais, elle allait se rompre; pour m'étourdir, pour ne rien sentir, pour ne penser à rien, si je ne pouvais pas penser agréablement, j'ai recouru au médicament"... Разумѣется, эти мечты о дружбѣ и обществѣ оставались мечтами. Нельзя сказать, чтобы Венелинъ не имѣлъ людей, къ нему расположенныхъ: ихъ было довольно, довольно было даже такихъ, на которыхъ производилъ онъ сильное вліяніе своимъ образомъ мнѣній, своимъ умомъ; такъ, напримѣръ, говорятъ, что въ знакомствѣ съ Н. А. Полевымъ онъ часто твердилъ о необходимости, послѣ Карамзина, исторіи Русскаго народа,—мысль не оставшаяся безъ послѣдствія. Но отвѣтъ на глубокія требованія дружбы, конечно, трудно было встрѣтить. Ни общественное положеніе, ни послѣдствія поѣздки не могли дать Венелину большого значенія въ глазахъ людей, мѣряющихъ достоинство внѣшнимъ успѣхомъ. „Въ тѣсныхъ обстоятельствахъ“, говоритъ сочинитель некролога, помѣщенного въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1839 года,—„не могъ онъ издавать ничего большого въ это время; люди, недовольные еще первыми его изысканіями, ждали новыхъ подтвержденій; многіе насмѣхались надъ нимъ, иные подрывали даже его положенія, еще въ половину для свѣта доказанныя. Такое недовѣріе было для него слишкомъ невыгодно; оно довело до того, что, безсознательно, всѣ почти стали уже въ немъ сомнѣваться. И это сильно на него подѣйствовало, даже доводило его до унынія; бывало, въ бурю, въ дождь, пойдетъ онъ на Крымскій бродъ, стоитъ тамъ часа два, не сводя глазъ съ воды: „И мнѣ бывало любо, говорилъ онъ,—что природа отвѣчаетъ своей бурей моему чувству. Но Венелинъ былъ слишкомъ твердъ для того, чтобы предаться бездѣйствію даже и въ такихъ обстоятельствахъ. До сихъ поръ еще помнятъ троицкіе монахи того труженика, который по цѣлымъ днямъ, по цѣлымъ недѣлямъ, сидѣлъ въ ихъ библіотекѣ, дѣлая выписки изъ книгъ“. Съ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ

соединяется воспоминаніе о жизни Венелина неподалеку отъ Троицкой обители, воспоминаніе, которое всегда было для него такъ отрадно, ибо въ кругу радушнаго семейства находилъ онъ лучшее успокоеніе: это было у Аксаковыхъ.

1833 года, въ засѣданіи 5-го ноября, при секретарѣ И. М. Снегиревѣ, Венелинъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ. Въ 1834 году, по совѣту нѣкоторыхъ изъ членовъ Московскаго университета, предложилъ онъ свои услуги университету по части славянскихъ нарѣчій, и въ доказательство трудовъ своихъ представилъ приближавшуюся тогда къ окончанію грамматику. Факультетъ отозвался о ней съ одобреніемъ и поручилъ сочинителю составить программу чтеній: она осталась въ бумагахъ Венелина, ибо профессоръ и ректоръ М. Т. Каченовскій, на мѣсто каѳедры русской исторіи, принялъ тогда каѳедру славянскихъ нарѣчій. Вскорѣ послѣ того, какъ видимъ изъ одного письма, онъ имѣлъ намѣреніе защищать диссертацию на степень доктора. Намѣреніе это не было приведено въ исполненіе. Въ непродолжительномъ времени, именно въ 1836 году, обстоятельства его поправились: онъ сдѣланъ былъ инспекторомъ классовъ въ Екатерининскомъ и Александровскомъ институтахъ, мѣсто, котораго лишился уже не задолго до смерти. Говорятъ однако, что успѣхъ этотъ не имѣлъ особенно благотѣльнаго вліянія на него.

Переходя къ сочиненіямъ или лучше сказать, статьямъ Венелина, написаннымъ или напечатаннымъ въ разбираемый періодъ времени, мы сначала, не пересчитывая ихъ въ отдѣльности, скажемъ нѣсколько словъ о ихъ общемъ характерѣ. Въ этотъ очеркъ не войдетъ пока и второй томъ его Изысканій, и все то, что относится прямо къ Болгарамъ. Что касается до самой внѣшней формы, то мы видимъ обыкновенно въ бумагахъ сочиненія на-бѣло, безъ большихъ поправокъ, не исключая и тѣхъ трудныхъ мѣстъ, гдѣ вставляются цитаты или переводы изъ другихъ языковъ: такая внѣшность выказываетъ значительное обладаніе приемами и средствами, хотя, съ другой стороны, не доказываетъ однако, чтобъ авторъ владѣлъ собою или ходомъ своихъ мыслей. Въ началѣ всегда непремѣнно стоятъ слова: In H. D. O. M., или In H. et. Gl., то-есть, in honorem et gloriam Dei Optimi Maximi,—привычка, вынесенная, вѣроятно, изъ западныхъ латинскихъ школъ ¹⁾. Что касается языка, то въ немъ вообще нѣтъ ров-

¹⁾ Своими судьбами, отчасти содержаніемъ трудовъ и приемами, путеше-

ности. Такъ какъ сочиненія Венелина носятъ обыкновенно характеръ розысканій, и притомъ часто съ филологическими основами, то конечно, нельзя ожидать въ языкѣ особенной обработки, за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ, если не обработанныхъ, то по крайности плавныхъ и нешероховатыхъ, при какомъ-либо описаніи или разказѣ. Нельзя также скрыть, что иногда желалось бы менѣе пестроты разнообразныхъ выраженій. Впрочемъ, это стоитъ уже въ связи съ слогомъ, а слогъ Венелина чрезвычайно оригиналенъ, такъ что по немъ всегда и всюду можно узнать Венелина: быстрота, увлекающая не только бѣглыя и живыя изображенія, но даже тяжелыя массы филологическихъ розысканій; движеніе, переходящее безпрестанно въ увлеченіе, увлеченіе, восходящее до какого-то лиризма; частые обрывы и переходы; наконецъ, постоянная почти шутливость, или лучше сказать, юморъ, въ самыхъ важныхъ мѣстахъ; нигдѣ не видно желанія высказать или даже намекнуть на свое личное горе, не видно затаеннаго негодованія или злобы, при всемъ томъ, что жизнь автора вовсе не была сладка, и въ его письмахъ мы видимъ самыя драматическія движенія чувствъ. Однимъ словомъ—природа юго-западнаго Славянина. Самъ Венелинъ превосходно сознавалъ ее, въ ея различіи отъ природы Славянина сѣверо-восточнаго: прочтите его разительныя характеристики тѣхъ и другихъ племенъ въ сочиненіи „Объ источникѣ народной поэзіи вообще и о южно-русской въ особенности“, или статью „О спорѣ между южанами и сѣверянами“. Наши критики не замедлили снабдить писателя своими строгими замѣчаніями, такъ что въ статьѣ „О нашествіи Завислянскихъ Славянъ на Русь до Рюриковыхъ временъ“ онъ долженъ былъ отвѣчать на упрекъ въ игривости: „Я ничуть не нахожу моего сочиненія игривымъ; если оно дѣйствительно такое, то объяснить и извинить оное психологія и фізіологія. Если есть въ природѣ пасмурныя души, то должны быть и веселыя... Игривость въ изложеніи не понравится можетъ только тѣмъ единственно, кои страдаютъ сплиномъ или дряхлостью живота.“ Источникъ этой игривости, быстроты, этого движенія, заключался не въ поспѣшности, не въ поверхностномъ взглядѣ на вещи, а во внутреннемъ характерѣ и умѣ самаго автора. Отсюда же истекало и разнообразіе статей его. Правда, повсюду и всегда мы замѣчаемъ въ нихъ одну главную цѣль—объ-

ствіемъ въ Россію и горемъ, здѣсь испытаннымъ, Венелинъ во многомъ сходенъ со старшимъ странникомъ, отцомъ панславистовъ, Ю. Брижаничемъ.

ясненіе темныхъ вопросовъ русской исторіи, особенно въ ея древнѣйшемъ періодѣ, въ племенной и бытовой связи ея съ другими Славянами, Азіатцами и Византійцами. Однако цѣль эта, при всемъ томъ, что авторъ безпрестанно на нее ссылается, даже въ самомъ названіи статей своихъ, была такъ далека или лучше сказать, онъ пролагалъ къ ней такіе окольные и боковые пути, что большею частію останавливался на нихъ, расплываясь въ разнообразіи археологическихъ и этнографическихъ вопросовъ, въ этомъ морѣ, которое называется изученіемъ славянскихъ нарѣчій, а между тѣмъ главная цѣль частехонько терялась изъ виду. Даже болѣе объемистыя его сочиненія, именно „Критическія изысканія“, предполагали нѣкогда подойти къ русской исторіи, а между тѣмъ дѣлились все на томы о разныхъ Славянахъ. Разумѣется, при такомъ характерѣ, Венелинъ никакъ не могъ сойтись съ Карамзинымъ, строгимъ гражданиномъ, писателемъ исторіи государства, и въ то же время литераторомъ, создавшимъ новый періодъ языка и изложенія. Отсюда безпрестанныя нападки Венелина на нашего исторіографа: черты того и другаго были слишкомъ не сходны. Но кромѣ того ихъ дѣлили различныя отношенія къ изслѣдованіямъ иностранныхъ ученыхъ: Карамзинъ до пристрастія былъ къ нимъ порою довѣрчивъ, а Венелинъ питалъ къ нимъ еще болѣе пристрастную ненависть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ оправданную даже выводами. Окончательно дѣлили ихъ самыя воззрѣнія на исторію, ибо, какъ замѣтили мы выше, Венелинъ давалъ мысль объ исторіи Русскаго народа, и для осуществленія этой мысли избиралъ всегда путь филологической монографіи,—тогда какъ достоинство Карамзина держалось тѣмъ зданіемъ, которое старался онъ воздвигнуть, хотя и не успѣлъ завѣнчать: Венелинъ былъ бы великъ, еслибы держался ближе предѣловъ специальныхъ монографій и болѣе сосредоточивался на ихъ предметѣ. Онъ именно постигалъ такое назначеніе, понималъ и всю высоту его: кто желалъ бы познакомиться съ его убѣжденіями на счетъ пониманія исторіи, тотъ могъ бы обратиться къ статьѣ его. „Мысли объ исторіи вообще и русской въ частности“, статья, которая должна всегда занять почетное мѣсто въ ряду воззрѣній на науку, высказанныхъ когда-либо въ русской литературѣ. Обозначивъ всю несообразность такъ-называемой „всеобщей исторіи“, какъ науки, характеризововъ ее прозвищами пространной, сложной, безначальной или многоначальной, назвавъ временникомъ, всякою всячиной въ хронологическомъ порядкѣ, преслѣдованіемъ интригъ и анекдотовъ, драмою жизнеописаній, и т. д. Венелинъ высказалъ требованіе логики исторической науки, логики, которая опредѣлила бы

общія черты въ исторіи каждаго народа, дала бы возможность преслѣдовать эти черты по отдѣльнымъ монографіямъ, и уже изъ нихъ составлять образъ исторіи всеобщей. Статья эта замѣчательна еще нѣсколькими рѣзкими мнѣніями, въ которыхъ выказалъ авторъ свои личныя отношенія къ Московскому университету. Приводя для русской исторіи понятіе государства какъ одну только общую черту, изъ ряду другихъ, но не единственную, и разсматривая примѣры другихъ чертъ, Венелинъ, въ параллель преобразованій Петра Великаго, ставитъ то движеніе просвѣщенія, которое зачалось на югѣ послѣ Петра Могилы. Справедливость требовала бы послѣ этого перейти къ Московскому университету и разсмотрѣть его значеніе именно какъ внутреннюю черту русской исторіи, черту народнаго просвѣщенія, въ параллель внѣшнему и политическому ходу развитія. Но авторъ, ища началъ нашего образованія на югѣ, въ Малой Руси, переводитъ ихъ цѣликомъ на сѣверное духовенство и только отсюда уже удѣляетъ нѣсколько заслугъ университету. „Какovy бы ни были заслуги Московскаго университета,“ говоритъ онъ, — „оспаривать ихъ нельзя; однако не должно забывать, что онъ долгое время не имѣлъ бы ни студентовъ, ни достаточнаго числа профессоровъ, если бы, до учрежденія его, не процвѣтали, въ нѣкоторомъ отношеніи, духовныя училища“. Развивая эту, отчасти впрочемъ справедливую, мысль еще далѣе, Венелинъ придаетъ университету характеръ учрежденія второстепеннаго и замѣчаетъ, что и помимо его проходятъ часто въ Россію живыя струи образованія. Такъ, изобразивъ судьбы южнаго выходца—Гавріила, образовавшаго нѣкогда Мартынова, Гнѣдича, Огинскаго и Куницкаго, онъ прибавляетъ: „Я теперь не знаю навѣрное, многихъ ли эллинистовъ образовалъ Россіи Московскій университетъ, въ который выписывались люди ученые *ex professo*“. Къ сожалѣнію, Венелинъ на практикѣ не всегда слѣдовалъ тѣмъ принципамъ, которые ставилъ въ основу исторіи: его монографіямъ мѣшало постоянно то обстоятельство, что онъ увлекался идеями слишкомъ широкими, общими или сторонними, впадая такимъ образомъ въ тѣ самыя недостатки, противъ которыхъ возставалъ. Онъ начинаетъ обыкновенно статью свою со всѣми средствами ученаго, путемъ филологическимъ, въ предѣлахъ весьма точныхъ, но скоро увлекается какою-либо идеей, другою, третьею, идетъ за ними ко всѣмъ народамъ, во всѣ времена и эпохи, сначала рвется какъ потокъ, потомъ дѣлится на побочные притоки, мелкіе уже ручьи и—прерываетъ статью свою, ослабѣвъ или надорвавшись. Большая часть мелкихъ сочиненій его безъ конца; на-

прасно упоминають, что въ бумагахъ не отыскано продолженія: фактически его не оказывается, да и нельзя предположить когда-либо. Не смѣемъ поставить этого въ упрекъ: такъ много все-таки сказано дѣльнаго, такъ много разсыпано остроумія, такъ много геніальныхъ предположеній, нерѣдко основанныхъ на пріемахъ истинной критики. Нельзя даже сказать, чтобы во всемъ этомъ не было единства: утверждаемъ только, что это единство коренилось не столько на сознаніи научномъ, сколько на представленіяхъ поэтическихъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы понять, какимъ образомъ научное положеніе у Венелина весьма часто переходило въ поэтическій образъ, весьма важно замѣтить, что авторъ имѣлъ глубокую поэтическую, южно-русскую натуру. Не говоря уже о тѣхъ превосходныхъ описаніяхъ мѣстности, которые внесъ Венелинъ въ послѣдующія статьи изъ своего путешествія, посмотрите на тѣ страницы, въ которыхъ видите вы человѣка-странника въ теченіе большей части жизни, путешественника, глядѣвшаго на страну и взоромъ науки, и еще болѣе взоромъ поэта, воспитаннаго въ лонѣ карпатской природы. Такова статья его „О древнихъ жилищахъ Русскаго народа“; таково, по поводу замѣчаній „Объ Образахъ“, превосходное описаніе странъ Дуная, Карпатъ, Седмиградія, Валахія; таковы истинно-поэтическія краски въ характеристикѣ „южанъ и сѣверянъ, въ спорѣ ихъ на счетъ россизма“, и т. д. Живость историческихъ его представленій доходила именно до поэтической яркости. „Я помню“, говоритъ онъ ¹⁾, — „что въ дѣтствѣ, проходя исторію, я пожелалъ знать точно также и древности Готтовъ и Вандавовъ, какъ и римскія: это потому, что мнѣ показался очень интереснымъ тотъ народъ, который завоевалъ отечество Virgilія, Горация, Овидія, или что важнѣе всего, отечество храбраго Юлія Цесаря. Аннибала я очень любилъ потому, что Аннибалъ былъ молодъ, и храбръ, и уменъ, и такъ славно взялъ Сагунтъ. Въ его походѣ изъ Испаніи черезъ Галлію въ Италію я не отлучался отъ него ни на шагъ, за то и умѣлъ восхищаться всѣми затрудненіями, которыя онъ превозмогалъ въ своихъ переходахъ. Проходя далѣе исторію, я полюбилъ и Аларика, и Радогостя, и Генсерика, но Аларика еще больше отъ того, что онъ мнѣ, не знаю почему, показался также молодъ, какъ и Аннибалъ. Я имѣлъ любопытство просить учителя объяснить мнѣ,

¹⁾ О характерѣ народныхъ пѣсень у Славянъ Задунайскихъ, стр. 57 и далѣе.

черезъ какія горы и рѣки велъ Аларикъ свои полки подъ Римъ? Такіе ли мечи были и у Готѣвъ, какъ и у Римлянъ? На такомъ ли основаніи велъ полки Аларикъ, какъ и Fabius Cunctator или Julius Caesar, то-есть, какъ диктаторъ или просто какъ консулъ? Просилъ показать мнѣ на ландкартѣ тотъ готскій или вандалскій Римъ, изъ котораго ѣхалъ Аларикъ въ Италію; просилъ показать мнѣ тѣ гавани, изъ которыхъ выплывали эскадры Генсериковы, поработившія Испанію и Африку; спросилъ, есть ли и у Готѣвъ Капитолій, также, какъ и у Римлянъ, или есть ли у нихъ свой Овидій, и будутъ ли мнѣ изъ него читать?“ Сочинитель некролога, помѣщеннаго въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1839 года, разказываетъ два любопытные случаи. „Однажды вечеромъ, въ своемъ путешествіи въ Болгарію, сталъ онъ, отъ нечего дѣлать, описывать какой-то городъ, который сдѣлалъ на него сильное впечатлѣніе своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ. Вдругъ, говоритъ онъ,—перенесся я во время XIV или XIII вѣка, когда Турки осаждали этотъ городъ; на площади, передъ моими окнами, представились мнѣ Турки того времени и толпа Болгаръ, и изъ моего описанія вышла первая глава романа“. Въ другой разъ, „окончивъ труды свои, пошелъ онъ со мною подъ Дѣвичій монастырь. Веселый разказъ его, по обыкновенію, начался анекдотами, потомъ перешелъ къ воспоминаніямъ о дѣтствѣ, и когда мы пришли на Дѣвичье поле, онъ былъ уже на полѣ исторіи. Тутъ, остановясь посреди поляны, разказалъ онъ намъ розысканные имъ факты; указывалъ на тѣ стороны, откуда шли войска Самозванца и Жолкѣвскаго; перенесъ насъ въ Кремль, гдѣ въ это время шло постриженіе Василія Шуйскаго, и окончилъ такъ: что же оставалось дѣлать боярамъ? Войска Самозванца идутъ оттуда, войска Жолкѣвскаго стоятъ тамъ въ виду; они скорѣй къ нему на встрѣчу,—вручаютъ гетману, на Дѣвичьемъ полѣ, ключи московскіе“. Трофеи Карла Великаго и мирный вѣнокъ Лейбница отнимали у Венелина сонъ во время ночи и тревожили его въ часы дня. Въ наукѣ возставалъ онъ противъ германской монополіи; на славянской землѣ воздвигъ грозный ликъ Волжскаго царя Атиллы, который забавлялся трусостію Рима восточнаго и грозилъ западному: онъ любовался этимъ ликомъ, съ особенною страстію рисовалъ черты его. Былъ еще третій дѣятель исторіи, питавшій поэтическое увлеченіе его ученыхъ изысканій, — Ю. Цесарь. Цесарь и Карлъ приводятъ всю исторію къ Риму: имъ противоборствуетъ Атила, какъ представитель міра славянскаго. Какъ же не видѣть здѣсь, помимо науки, истинно-поэтическаго увлеченія, какъ

не искать его въ личномъ характерѣ, и какъ не объяснить имъ многое и многое во всей дѣятельности? И сколько ученыхъ Русскихъ, попавъ на этотъ путь, увлекаются имъ точно также и понинѣ?

Большая часть статей, написанныхъ Венелинымъ, относится къ послѣднимъ девяти годамъ его жизни. Нѣкоторыя напечатаны имъ самимъ, другія послѣ смерти, третьи остались въ рукописяхъ.

Кромѣ уже упомянутыхъ выше и исключенныхъ пока нами, назовемъ слѣдующія: Въ Телескопѣ, 1832 г., № 15, стр. 394—412: помѣщена статья „Старый долгъ или запоздалая антикритика“. Отвѣтъ на небольшую статью И. О. Калайдовича, помѣщенную въ VI ч. Моск. Вѣстн. 1829 г., по поводу I тома „Изысканій“ Венелина. Статья была благопріятна сочинителю, но, недовольный объясненіемъ словъ Волга и князь, онъ отвѣчалъ весьма остроумнымъ разборомъ ихъ. Въ томъ же журналѣ, 1834 г., № 21, стр. 336—348, напечатана критика на книгу: „Малороссійскія пословицы и поговорки, собран. В. Н. С. Харьковъ. 1834“. Статья подписана псевдонимомъ: „І. Мастакъ. Миргородъ“. Отдѣльно напечатаны: 1) упомянутая выше статья: „Объ источникѣ народной поэзіи вообще и о южно-русской въ особенности. Москва. 1834, и 2) „О характерѣ народныхъ пѣсень у Славянъ задунайскихъ, набросано Ю. Венелинымъ, І. Москва, 1835“. Съ начала книжки приведены въ текстѣ и переведены на русскій языкъ двѣ сербскія пѣсни изъ 4-й части изданія Караджича, 1833 г.: „Османъ Шеовичъ и Женитьба Павла Плетиковсы“. Переведено одактиленною прозой—способъ, изобрѣтеніе котораго несправедливо приписывалъ себѣ Венелинъ, ибо мы имѣемъ еще прежде такіе же опыты Карамзина, Грамматина и др. Вообще, дѣло исполнено не совсѣмъ удачно, однако въ Москвѣ принято было очень хорошо. По поводу пѣсень добавлена характеристика ихъ, увлекшая автора далеко въ исторію. Въ концѣ прибавлено: „О природномъ источникѣ эпопеи, о вліяніи народныхъ пѣсень на исторію“ и т. д. Затѣмъ появилась Народописная карта Венгріи съ Крoаціею, Славоніею и округами военными пограничныхъ полковъ. По Чапловичевой издалъ Ю. Венелинъ. 1836. — Въ Журналѣ Мин. Нар. Просв., 1836 г., іюль, стр. 125—148: „Отрывокъ изъ II тома исторіи десятилѣтней войны южной Руси съ Поляками“. Это переводъ изъ Грондскаго съ замѣчаніями Венелина, по которымъ, между прочимъ, видимъ, что онъ хотѣлъ написать полную исторію указанной войны, въ четырехъ или пяти томахъ. Въ Московскомъ Наблюдателѣ, 1836 г., августъ, кн. 2, октябрь, кн. 1 и 2, напечатана

большая статья: „Скандинавоманія и ея поклонники, или столѣтнія изысканія о Варягахъ“. Разборъ мнѣній объ этомъ предметѣ. Изъ примѣчаній видимъ, что здѣсь положено начало большому сочиненію, которое печаталось авторомъ отдѣльно. Наконецъ, въ Отеч. Запискахъ 1839 г. т. II, въ отдѣлѣ наукъ находимъ статью: „Принятіе христіанства славянскими народами до Кирилла и Меѳодія“. Статья эта заимствована изъ II тома Изысканій, который тогда уже печатался Венелинымъ.

По смерти автора, всѣ бумаги его перешли къ Н. И. Молнару и были приведены имъ въ возможный порядокъ. Но связь отдѣльныхъ статей, если она и существовала, была уже разорвана; нужно было издавать особо не конченные отрывки, давая имъ названіе, сообразное съ содержаніемъ. Прежде всего (кромѣ II тома, о которомъ ниже), въ Москвѣ, въ 1842 году, выпущена въ свѣтъ „Скандинавоманія“, книжка, въ которой къ статьямъ, помѣщавшимся въ Московскомъ наблюдателѣ, авторъ при жизни успѣлъ припечатать только двѣ страницы, подъ заглавіемъ: „Окружные жители Балтійскаго (Варяжскаго) моря по Нестору и по Адаму Бременскому“; этими двумя страницами печатаніе прервано, и въ такомъ видѣ издалъ книжку наслѣдникъ покойнаго. Изъ приведеннаго заглавія видимъ, что продолженіе заключается въ статьяхъ, напечатанныхъ послѣ въ Читеніяхъ Император. Моск. Общ. Истор. и др. россійскихъ. Въ изданіи этомъ напечатанъ рядъ статей, оставшихся послѣ Венелина, а именно: годъ 2-й (1847), №№ IV и V—двѣ статьи: „Окружные жители Балтійскаго моря, а) Леты, б) Славяне“. Взято древнѣйшее время, и, на основаніи источниковъ, указаны топографическія подробности, а именно названія мѣстъ, городовъ, ихъ разстоянія, и т. д. Статья законченная и строгая. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ отлагаются подробности до будущаго времени. Въ томъ же году, № VI—„О соляномъ озерѣ Halmýris (Kassein Ramsin)“, статья законченная, упомянутая нами выше, составленная на основаніи путевыхъ замѣтокъ въ Болгаріи. Въ томъ же году, № VIII—„Мысли объ исторіи вообще и русской въ частности“, статья, также упомянутая нами и не конченная. Въ томъ же году, № IX—„О древнихъ жилищахъ Русскаго народа“, статья, какъ замѣтили мы, отличающаяся живописью топографическихъ описаній, именно южныхъ границъ Руси; въ изысканіяхъ нѣтъ большой строгости; рѣзкія выраженія противъ чужихъ мнѣній; по видимому, кончена. — Тамъ же: „О времени рожденія названій: греческое, латинское, нѣмецкое,

русское или гражданское, славянское или церковное письмо". Сущность, какъ выше упомянули мы, состоитъ въ томъ, что Кириллъ и Меѳодій вовсе не изобрѣтатели азбуки славянской; данныхъ довольно, но нѣтъ строгости въ пользованіи ими; упоминаются уже обстоятельства поѣздки въ Болгарію; не окончено.—Годъ 3 (1847), № I, „О словѣ бояринъ“. Въ началѣ разборъ чужихъ мнѣній и потомъ производство отъ болгарскаго болѣринъ; но при объясненіи перехода этого слова и сопряженнаго съ нимъ значенія въ Русь и по Руси, авторъ далеко увлекается и обрываетъ статью; значатся обстоятельства поѣздки. — Въ томъ же году, № II: „Нѣчто къ изысканіямъ о Готахъ“; Готы = Славяне; маленькая, отрывочная статья, съ ссылками на I-й томъ Изысканій.—Въ томъ же году, № III: „Объ Обрахъ, ихъ царствѣ и его предѣлахъ“, начало интереснаго и живаго разсужденія, о которомъ говорили мы выше; упоминается поѣздка.—Въ томъ же году, № IV: „О спорѣ между Южанами и Сѣверянами на счетъ ихъ россизма“. Написано по случаю сочиненія Боплана: „Описаніе Украйны, перев. съ франц., С.-Пб. 1832“. Стоитъ за южную Русь и хочетъ показать древнѣйшее ея значеніе и предѣлы, но не доходитъ и прерываетъ; за то, многія черты Русскаго народа, въ его сѣверной и южной половинѣ, выставлены, какъ замѣчено выше, ярко и увлекательно.—Въ томъ же году, № V (1848): „О нашествіи Завислянскихъ Славянъ на Русь до Рюриковыхъ временъ“. Статья оконченная, но безъ строгости и съ рѣзкими увлеченіями; нѣсколько прекрасныхъ южно-русскихъ пѣсенъ; ссылки уже на „Скандинавоманію“.—Въ томъ же году, № VIII: „О происхожденіи маршаловъ и производствѣ слова Магъа—скотина, лошади; жалекъ, жалка,—вооруженный, отъ жало—остріе, орудіе, оружіе: = вооруженный конникъ.—Кромѣ того, напечатаны, но по обстоятельствамъ долго не выпускались въ свѣтъ слѣдующія три статьи: „Извѣстія о Варягахъ арабскихъ писателей и злоупотребленіе ими“; „Критическое объясненіе всѣхъ именъ Аттилина семейства“; Нѣчто объ общественномъ воспитаніи“.

Слѣдуетъ сказать о статьяхъ, оставшихся по смерти покойнаго въ рукописяхъ. Такъ какъ онѣ большею частію не кончены, а духъ, связывавшій ихъ, отлетѣлъ, то мы можемъ означить заглавія только приблизительныя, сообразно съ содержаніемъ. Сюда прежде всего относятся изысканія археологическія. Очень любопытенъ оставшійся въ бумагахъ покойнаго планъ изслѣдованій о Варягахъ, припечатанный послѣ Молнаромъ при II томѣ: изъ него видимъ, что дѣй-

ствительно статья о „Скандинавоманіи“ была началомъ этого большаго разсужденія. За нею должны слѣдовать двѣ статьи, помѣщенныя въ Чтеніяхъ — „Объ окружныхъ жителяхъ Балтійскаго моря“. Потомъ въ то же сочиненіе должна была, кажется, войти статья въ Чтеніяхъ: „О нашествіи Завислянскихъ Славянъ на Русь“ и статья съ извѣстіями арабскихъ писателей о Варягахъ, названная прямо въ конспектѣ. Все это уже напечатано. Изъ не напечатаннаго сюда, кажется, идутъ двѣ статьи, обѣ не конченныя: одна—о происхожденіи Русскихъ и другихъ Славянъ, съ разборомъ чужихъ мнѣній, а другая, продолженіе первой—о Варягахъ.—Къ археологіи же относятся: довольно большой разборъ записокъ Ю. Цезаря, не оконченный; имъ думалъ Венелинъ произвести сильный переворотъ въ древней исторіи запада; потомъ небольшой отрывокъ о Гуннахъ по Иорнанду; далѣе двѣ отрывочныя статьи археологической этнографіи и топографіи о Дунайской долині, ея древнѣйшихъ обитателей, послѣдующей ненаселимости.—Къ русской исторіи относятся двѣ статьи: первая, не оконченная—о крещеніи св. Владиміра, съ разборомъ мнѣній Карамзина и византійскихъ свидѣтельствъ о древнѣйшемъ мореплаваніи и торговлѣ Русскихъ; другая статья безъ начала—разборъ исторіи Карамзина о Димитріѣ Самозванцѣ; написана по поводу выхода трагедіи А. С. Хомякова, вслѣдствіе чего высказано нѣсколько мнѣній объ изыщномъ, и вмѣсто предисловія приложено письмо къ сочинителю; весьма остроумно старается Венелинъ отвергнуть самозванство Димитрія.—Особый отдѣлъ составляютъ три статьи о пѣсняхъ: первая, не оконченная—о пѣснелюбіи Славянъ Закарпатскихъ, безъ пѣсенъ, съ одними историческими воззрѣніями, далеко завлеченными; вторая, не оконченная и безъ пѣсенъ же—о характерѣ пѣсенъ Славянъ Закарпатскихъ: живое и прекрасное этнографическое описаніе Словаковъ, Мадьяровъ, Волоховъ, съ ихъ промыслами, занятіями, и т. д.; третья—о характерѣ народныхъ пѣсенъ у Славянъ Задунайскихъ: она должна была составлять вторую часть упомянутой выше книги; высказана теорія славянскихъ метровъ, съ ссылками на музыку, которую Венелинъ зналъ очень хорошо; много любопытныхъ разказовъ о славянскихъ обычаяхъ и обрядахъ; нѣсколько переведенныхъ сербскихъ пѣсенъ, по способу первой части, то-есть, прозой съ дактилемъ на концѣ. Нужно замѣтить, что, печатая сербскій текстъ, Венелинъ не только не слѣдовалъ правописанію В. С. Караджича, но и сильно возставалъ противъ него: по этому поводу написана имъ особая, весьма рѣзкая и остроумная, хотя и небольшая

статья, въ видѣ письма къ В. Е. Априлову.—Далѣе слѣдуетъ „Грам-матика ново-болгарскаго языка“, съ цѣлою кипю предварительныхъ работъ, замѣтокъ и выписокъ, послужившихъ матеріаломъ и особенно интересныхъ.—Собраніе бумагъ, относящихся къ изданію „Влахо-Дакійскихъ грамотъ и снимковъ“.—Двѣ части дневника, въ высшей степени интереснаго по замѣткамъ историческимъ, топографическимъ, этнографическимъ, филологическимъ, съ пѣснями, разборомъ собственныхъ именъ, сборникомъ словъ, и т. д. Въ первую часть вставлена особая статья, писанная въ Варнѣ и упомянутая выше, о Добрицѣ; во вторую, по поводу описанія Силистріи, прибавлена замѣчательная статья, въ которой авторъ совершенно перенесся во времена римскихъ пограничныхъ легионовъ, рисуетъ намъ мѣстность, разговариваетъ съ лицами того времени.—Потомъ собраніе ново-болгарскихъ пѣсенъ, составленное отчасти самимъ Венелинымъ, отчасти доставленное ему чрезъ В. Априлова и Н. Палаузова: о нашемъ изданіи, куда это вошло, упомянуто съ подробностью выше.—Мелкія статьи, преимущественно матеріалы: Выписка объ Этрускахъ; Очная ставка или сводъ лѣтописцевъ о Гуннахъ, Болгарахъ, и т. д., съ переводомъ ихъ свидѣтельствъ; „Взглядъ на пародію“ помѣщенную въ іюньской книжкѣ 1838 г. въ Библіотекѣ для Чтенія, по случаю разбора 1-й части „О характерѣ народныхъ пѣсенъ у Славянъ Задунайскихъ“,—статья оконченная; конспектъ преподаванія исторіи славянскаго языка и литературы, составленный по опредѣленію совѣта Московскаго университета, отъ 2-го мая 1834 года; переводъ извѣстій о путешествіи Кухарскаго 1830 года; замѣчанія о правописаніи мадьярскаго языка, отрывокъ; множество разбросанныхъ выписокъ и замѣтокъ, университетскихъ, кешиневскихъ и позднѣе сдѣланныхъ.—Наконецъ, статьи, вошедшія во II и III томъ Изысканій, равно какъ переписка, относящаяся къ зародышу новой болгарской литературы.

Такія натуры, какую имѣлъ Венелинъ, требуютъ обыкновенно, чтобы не разбросаться, одной спеціальной области занятій, на которую можно было бы устремить всю силу таланта. Счастливая судьба дала ему такую область, дала возможность одной великой монографіи, монографіи, которую начертилъ онъ не на бумагѣ, а въ сердцахъ цѣлаго возрождавшагося народа, начертилъ не перомъ, а живымъ вліяніемъ своей личности, создалъ, поддержалъ энергіей своей пылкой дѣятельности. Мы говоримъ объ отношеніи Венелина къ Болгарамъ,

ихъ образованію и литературѣ. Повторяемъ, что тотъ не пойметъ никогда всего значенія его дѣятельности, кто оставитъ безъ вниманія или оцѣнки эту важнѣйшую сторону. Потому мы должны нѣсколько долѣе остановиться здѣсь. Той пріязни, которой не встрѣтилъ Венелинъ въ Москвѣ, онъ нашелъ избытокъ въ Болгаріи: „Русскій человѣкъ“, говоритъ онъ, — „не смотря на свою людомость, очень рѣдко зайдетъ къ сосѣду для того только, чтобы удовлетворить нуждѣ, которую называемъ бесѣдою: въ этомъ случаѣ онъ скорѣе полѣзетъ париться за печь. Большою частью Русскій навѣщаетъ сосѣда только по дѣлу, изъ нужды въ немъ, изъ какихъ-либо видовъ... Въ 1830 году болѣзнь моя заставила меня больше пробыть въ Силистріи, нежели сколько я предполагалъ. Во время медленнаго выздоровленія я выходилъ часто прогуливаться по длинному ряду лавокъ, какъ для развлеченія, такъ и для филологическихъ и географическихъ справокъ. Сидѣльцы были почти все молодые Болгаре, какъ изъ Болгаріи, собственно такъ-называемой, такъ и изъ Оракии и Македоніи. Войти въ любую лавку безъ дѣла и сѣсть, чтобы наговориться, у нихъ не есть вещь внѣ порядка вещей. По порядку я посѣщалъ многія лавки, и стоило однажды только познакомиться, чтобы всякій разъ съ обѣихъ сторонъ собирать привѣтливныя улыбки... Сидѣльцы стали ходить ко мнѣ съ визитами безъ дѣла, то-есть, чтобы поболтать... Въ числѣ посѣтителей было и семейство, у котораго я квартировалъ въ Варнѣ... Я тогда слегъ было, и въ продолженіе трехъ недѣль семейство это, чередуясь, посѣщало меня. Отецъ заходилъ въ свободное время, мать приходила сидѣть съ работою, или же присылала дѣтей, которыя не мало облегчали меня своимъ балагурствомъ. Но какая разница въ этомъ отношеніи между Силистріею и Москвою! Въ продолженіе 10 лѣтъ, изъ всѣхъ посѣщеній, которыми мнѣ сдѣлана была честь, почти ни одного не было въ родѣ болгарскихъ: всѣ онѣ были или по дѣлу, или изъ церемоніи“¹⁾. Но этого мало: влеченіе души повело къ другимъ, болѣе значительнымъ плодамъ. Послѣ 1829 года Болгаре мало по малу возвратились къ прежнимъ своимъ жилищамъ, основались въ нихъ, перешли къ занятіямъ; въ своемъ разбродѣ, по городамъ южной Россіи и Валахіи, познакомились они съ I-мъ томомъ Изысканій Венелина, читали ихъ съ жадностью, задѣты были заживое; нѣкоторые, хотя впрочемъ немногіе, видѣли тогда его самого и воодушевились его энергіей.

¹⁾ О характерѣ народныхъ слав. Задун.; стр. 96—97.

Одинъ изъ послѣдующихъ главнѣйшихъ дѣятелей болгарскаго образованія, В. Е. Априловъ, по возвращеніи изъ Константинополя въ 1831 году, случайно нашелъ I-й томъ сочиненій Венелина; этотъ томъ, говоритъ онъ „возбудившій общій энтузіазмъ въ Славянахъ, поощрилъ перваго меня къ занятіямъ. Долго искалъ я автора въ Петербургѣ и Москвѣ, чтобы просить его продолжать свои изысканія, потому что его положенія были торжествомъ для всѣхъ Болгаръ. Они видѣли въ немъ того генія, который можетъ извлечь ихъ изъ неизвѣстности, ознакомить ихъ съ ихъ братьями, Русскими, и поставить ихъ наравнѣ съ просвѣщенными народами... При первомъ извѣстїи, что я открылъ мѣстопребываніе нашего исторіографа, всѣ кинулись съ восторгомъ спрашивать объ немъ. Живущій въ Букарестѣ г. Григорій Пѣшаковъ доставилъ мнѣ оду, для отсылки Юрію Ивановичу“¹⁾. Эту торжественную и восторженную оду желающіе могутъ найти во всѣхъ жизнеописаніяхъ Венелина. Въ 1831 году покойный книгопродавецъ А. С. Ширяевъ получилъ изъ Букарешта, отъ 30-го іюля, письмо Анастасія Стояновича Кипиловскаго, замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ, такъ что мы рѣшаемся привести его, не смотря на языкъ, затруднявшій Болгарина: „Почтенный господинъ А. С. Ширяевъ! Предъ нѣсколькими днями счастье имѣлъ пріять на рукахъ сочиненную г. Ю. Венелинымъ книгу, подъ заглавіемъ „Др. и нын. Болгаре“, которую шестой разъ нынѣ ненасытно прочитаю. Я Болгаринъ родомъ. Чувства мои относительно къ народу моему совсѣмъ сродственны тѣмъ чувствамъ, отъ которыхъ преисполнена и душа достопочтеннаго спсателя сей книги. Я не знаю, отъ чего, однакожъ должно признаться что въ душѣ моей возгорѣлся такой же восторгъ, что даже могу смѣло сказать, сравнивается съ восторгомъ самаго почтеннаго спсателя. Не могу объяснить вамъ, сколько несчастнымъ почитаю себя, узнавъ, что мужъ сей, г. Венелинъ, перезимовалъ въ городѣ нашемъ, я же не имѣлъ счастья познакомиться съ нимъ... Означенная книжка, то-есть, первая часть, въ цѣломъ городѣ нашемъ одна для всѣхъ любопрочитателей нашихъ: потому прошу вашу милость благоволить первою почтою объявить мнѣ, отпечатаны ли и прочія части сего сочиненія, и послѣднюю цѣну каждой части, и слѣдовательно, взнести вамъ деньги на нѣсколько экземпляровъ. При томъ же теплѣ прошу изволить одолжить меня увѣдомленіемъ, гдѣ достопочтенный списа-

¹⁾ Дѣяніца ново-болгарскаго образованія стр. 91, 94—95.

тель, г. Венелинъ, нынѣ находится, дабы могъ адресоваться къ нему благодарственнымъ посланіемъ, каковымъ долженствуетъ весь народъ отнестись къ сему безсмертному возобновителю, такъ-сказать, болгарскаго существованія“. Венелинъ въ это время продолжалъ жадно заниматься исторіей, языкомъ, литературою Болгаръ, воскрешалъ свои воспоминанія и записки, но мало еще имѣлъ живыхъ связей съ покинутою страной. Въ 1834 году, среди занятій и отчетовъ для академіи, онъ началъ печатать II томъ своихъ историческихъ изысканій, подъ прежнимъ заглавіемъ; но дѣятельность, успѣвшая уже склониться въ одну сторону, къ Болгарамъ, отбивала охоту отъ изслѣдованій, хотя близкихъ и родственныхъ, но все же постороннихъ, имѣвшихъ предметомъ другія вѣтви славянства; притомъ же внѣшнія обстоятельства были слишкомъ тѣсны, горе закрадывалось глубоко въ душу: „Мысль, что мои занятія“, говоритъ онъ, — „не приведутъ меня ни къ чему, кромѣ убытковъ, заставила меня прекратить изданіе II тома и четвертый корректурный листъ бросить подъ столъ“ ¹⁾. Напрасно Кипиловскій ожидалъ появленія его сочиненій, чтобы воспользоваться ими для предполагаемой исторіи Болгаріи; не дождавшись, онъ уже рѣшился выдать послѣднюю, и въ 1836 году, въ февралѣ, написалъ о томъ новое объявленіе, въ которомъ останавливаютъ наше вниманіе слѣдующія строки (сообщаемъ въ переводѣ): „Энтузіазмъ Венелина къ своему предмету такъ великъ, что, къ великому нашему стыду, не только доселѣ не сумѣли мы послѣдовать его примѣру, но даже и не постарались по крайней мѣрѣ узнать и справиться, что съ нимъ сдѣлалось, и по какой причинѣ не выходить въ свѣтъ остальные части его труда, узнать для того, что еслибы не имѣлъ онъ средствъ, то помочь бы ему или купить у него трудъ его и напечатать. Эти слова, желательно, чтобы тронули сердце всякаго ученаго и богатаго Болгарина если оно еще не окаменѣло“. Болгаре не теряли однако же времени: возбужденные до энтузіазма, они готовили необходимѣйшія сочиненія и учебныя руководства, обдумывали предстоящее дѣло образованія, и въ 1835 году плодомъ ихъ усилій, въ особенности усилій В. Априлова и Н. Палаузова, явилось Габровское училище, начало, образецъ и разсадникъ послѣдующихъ другихъ. Они спѣшили извѣстить Венелина обо всѣхъ этихъ успѣхахъ и начатомъ уже собираніи пѣсенъ: отъ 22-го мая 1836 года онъ по-

¹⁾ О зародышѣ новой Болгарск. литературы, стр. 24.

лучилъ письмо изъ Одессы, подписанное обоими незабвенными дѣятелями болгарскаго просвѣщенія. „На это письмо“, говоритъ Венелинъ,— „я не рѣшался отвѣчать, потому что не желалъ огорчить извѣстіемъ, что отъ обстоятельствъ я рѣшился не заниматься болѣе ихъ древностями“. Въ самомъ же дѣлѣ, какъ узнаемъ изъ другаго мѣста,— послѣ неудачъ поѣздки, „благородныя чувствованія, изложенныя въ означенномъ письмѣ, не успѣли изгладить въ немъ недовѣрчивости къ готовности Болгаръ (изъ послѣдующаго письма къ Априлову). Среди грустнаго настроенія души онъ думалъ еще, что Пѣшаковъ, при-славшій ему оду, „былъ одинъ Болгаринъ, который, наконецъ, захотѣлъ оцѣнить его слабое адвокатство въ пользу соотечественниковъ“ (оттуда же). 28-го іюня 1837 года снова написано было Априловымъ письмо изъ Одессы; оно оканчивалось замѣчательными словами: „Вы очень одолжите всѣхъ моихъ соотечественниковъ, если не перестанете трудиться въ пользу ихъ исторіи. Они помѣстятъ васъ въ число своихъ благодѣтелей, и потомство впишетъ ваше имя въ храмъ бессмертія“. Благородныя чувства были слишкомъ явны и сильны, слова слишкомъ убѣдительно, чтобы послѣ нихъ задумываться и сомнѣваться. Венелинъ еще прежде, тотчасъ по возвращеніи изъ поѣздки, понималъ уже всю ея недостаточность и желалъ пополнить недостатки постояннымъ и живымъ сношеніемъ съ туземцами. Съ этой стороны необыкновенно замѣчательно письмо его къ г. Инзову, писанное въ 1832 году. „Само собою разумѣется“, говоритъ онъ здѣсь,— „что въ такой странѣ, въ коей нѣтъ ни туземныхъ ученыхъ, могшихъ облегчить меня своими многолѣтними наблюденіями, ни книгохранилищъ, въ коихъ бы можно было все обозрѣть, принужденъ будучи гоняться за всякою мелочью порознь, и все почти схватывая, такъ сказать, на лету, я, вопреки желанію и старанію моему, могъ и долженъ былъ иное упустить изъ виду... Посему, по возвращеніи въ Москву, главнымъ моимъ желаніемъ и почти обязанностью было пріобрѣсть въ той сторонѣ просвѣщеннаго корреспондента, который бы, при постоянномъ вниманіи къ могущимъ встрѣтиться письменнымъ древностямъ Болгаръ, равно и къ нынѣшнему ихъ состоянію, какъ въ домашнемъ быту, такъ и въ нравственномъ отношеніи, сообщалъ бы мнѣ постепенно свои замѣчанія и пріобрѣтенія, для умноженія и упроченія моего собранія свѣдѣній“. Не нашедши такого надежнаго человѣка между самими Болгарами, Венелинъ обратилъ все свое вниманіе на бессарабскія поселенія, составляющія за-

мѣчательнѣйшую эпоху въ судьбѣ Болгарскаго народа. Онъ надѣялся „учредить подобную наблюдательную точку въ Болградѣ, какъ въ центрѣ, въ которомъ можно найти людей изъ разныхъ областей Дунайской и Забалканской Болгаріи, или по крайней мѣрѣ, бывалыхъ и жилыхъ въ тѣхъ мѣстахъ“. Съ этою цѣлію составилъ онъ подробный проектъ дѣйствованія, представляя его начальству тамошняго попечительнаго комитета и излагая возможность организаціи особыхъ чиновниковъ для наблюденія за всѣмъ ходомъ болгарскаго образованія, за развитіемъ языка, словесности, общежитія, для собиранія памятниковъ, составленія музея, содѣйствія русскимъ ученымъ. Однимъ словомъ, это—замѣчательнѣйшій документъ, какой только оставилъ Венелинъ на память своей проницательности въ судьбы истории, талантиности и энергіи. Къ сожалѣнію, онъ не возымѣлъ дѣйствія. „Такъ какъ я напрасно ожидалъ“, говоритъ Венелинъ въ одномъ письмѣ къ Априлову,—„не только поясненій, но и отвѣта даже, то на 48-й страницѣ я прекратилъ печатаніе II тома, и въ справедливомъ негодованіи, чуть было рукопись не бросилъ въ огонь“. Теперь, послѣ помянутыхъ писемъ изъ Одессы, не оставалось желать ничего болѣе. Не медля нисколько, помѣстилъ онъ тотчасъ въ Московскомъ Наблюдателѣ 1837 года, въ сентябрьской первой книжкѣ (вышла она собственно уже въ 1838 году), прекрасную статью „О зародышѣ новой болгарской литературы“, въ которой изложилъ вкратцѣ всю свою дѣятельность, исторію своей поѣздки и то зачало новаго будущаго, которое открылось въ перепискѣ съ Болгарами. Статья эта, съ прибавленіемъ—книжка первая, въ 1832 году отпечатана была особо и разнеслась по всей Болгаріи. Въ октябрѣ 1837 года спѣшилъ онъ отвѣчать Априлову огромнымъ письмомъ, интереснымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Здѣсь изложилъ онъ также исторію своей поѣздки, описалъ всѣ затрудненія, высказалъ нѣсколько справедливыхъ и горячихъ упрековъ, расположилъ весь планъ послѣдующей дѣятельности болгарскаго просвѣщенія, обозначилъ пункты будущей переписки, поручилъ отыскивать памятники по тѣмъ слѣдамъ, которые успѣлъ открыть въ своемъ путешествіи, высказалъ все, что только могъ, для возбужденія дѣятельности. До какой степени онъ дорожилъ всѣмъ этимъ дѣломъ, мы можемъ замѣтить изъ одного наивно и просто высказаннаго желанія; благодаря за оду, присланную Пѣшаковымъ, онъ прибавляетъ: „Но еще было бы пріятнѣе, если бы вмѣсто того прислалъ онъ мнѣ народную

пѣсню". Закипѣла дѣятельность: началась значительная переписка, въ которой, кромѣ Априлова и Палаузова, скоро приняли участіе и другія лица; Венелинъ зналъ о всемъ, что только совершалось въ духовномъ развитіи Болгаръ; оживляемый притоками энергіи, изливавшейся изъ души возрождаемыхъ, онъ отвѣчалъ на нее новыми запросами, новыми планами; отыскивались древніе памятники, собирались пѣсни, издавались книги, заводились училища, и все это, или прямо, или посредственно, имѣло постоянное отношеніе къ Венелину. Является на сцену дѣло развитія и просвѣщенія цѣлаго народа; въ него уходитъ вся личная дѣятельность Венелина. Кто захотѣлъ бы знать первую судьбу этого развитія, тотъ можетъ обратиться къ „Денницѣ ново-болгарскаго образованія“, сочиненію В. Априлова, изданному въ Одессѣ въ 1841 году; кто захотѣлъ бы вникнуть еще глубже, тому оставалось бы изучить подробнѣе поѣздку и переписку Венелина, чтобы потомъ сопоставить и связать одновременныя и послѣдующія явленія болгарскаго образованія. Тогда же, наконецъ, въ Болгаріи собрана была подписка на полученіе II-го тома, и авторъ самъ довелъ печатаніе до шестнадцатаго листа. Замѣтно было по всему,—онъ какъ бы молодѣлъ.

Однако прежняго горя и воспитанной имъ несчастной склонности было достаточно для того, чтобы отравить въ самомъ началѣ обновившуюся дѣятельность, чтобы лишить достойныхъ плодовъ ея. Присоединилось и еще обстоятельство: казенное мѣсто было потеряно. Нѣсколько мѣсяцевъ затѣмъ Венелинъ отдавался напряженнымъ занятіямъ, а жизни между тѣмъ грозило болѣе и болѣе разрушеніе. Самъ уже наконецъ, какъ врачъ, понявши свое положеніе, онъ отправился въ университетскую клинику: мѣсть не было. По возвращеніи, на порогѣ своей комнаты, больной упалъ, пораженный ударомъ. Скоро подана была помощь, но не надолго. И. И. Молнаръ поспѣшилъ взять и отвезти его въ Павловскую больницу. Спустя нѣсколько часовъ, Юрій Ивановичъ скончался на рукахъ своего стараго друга, передъ самою заутренней Свѣтлаго Воскресенія, 26-го марта 1839 года, спустя ровно шестнадцать лѣтъ по прибытіи съ тѣмъ же сотоварищемъ въ Хотинъ. Марта 29-го, въ среду на Святой, происходило погребеніе; родные и знакомые, студенты и члены общества исторіи и древностей проводили тѣло въ Даниловъ монастырь, гдѣ легли потомъ Языковъ, Валуевъ, Гоголь, Хомяковъ и ученикъ самого Венелина—К. Аксаковъ.

Теперь остается намъ прибавить нѣсколько словъ о судьбѣ „Историческихъ Изысканій“. II-й томъ, для удовлетворенія подписчиковъ, выпущенъ былъ въ свѣтъ въ 1841 году въ томъ самомъ видѣ, какъ оставилъ его въ типографіи покойникъ, съ прежнимъ заглавіемъ I-го тома. Въ коротенькомъ предисловіи М. П. Погодинъ замѣчаетъ, что Венелинъ „увлекался здѣсь еще болѣе, нежели въ первой (части), гдѣ я нѣсколько его удерживалъ, указывая на цѣль и не допуская до повтореній, увлекался и отвлекался до такой степени, что въ 15 листахъ, распространившись о Славянахъ юго-западныхъ, не дошелъ еще до главнаго своего предмета, Славянъ юговосточныхъ“. Мы прибавимъ при этомъ слѣдующее обстоятельство: содержаніе II-го тома составляютъ судьбы Словенъ или Словенцевъ, на нихъ обращено главное вниманіе, и сочиненіемъ этимъ Венелинъ отвѣчалъ прямо прежнему своему плану — представить критическія изысканія сперва о различныхъ Славянахъ, какъ-то: Болгарахъ, Краинцахъ и т. д., чтобы потомъ прийти къ Руси. Тѣмъ не менѣе, новое и особое поле, открывшееся для дѣятельности съ того времени, какъ авторъ ѣздилъ въ Болгарію, привлекло къ себѣ исключительно почти все его вниманіе: этимъ объясняется, кромѣ другихъ обстоятельствъ, медленность и кака-то неохотность въ печатаніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ объясняются, можетъ быть, и встрѣчаемые недостатки. Желая объяснить и пополнить дѣло, И. И. Молнаръ далъ ему такой оборотъ: на первый томъ, безъ перемѣны содержанія и заглавнаго листа, прибавивъ только эпитафъ, надѣлъ онъ обертку: Историко-критическія изысканія Ю. Венелина, томъ I. Москва. 1841. II-й томъ издалъ онъ въ 1846 году, съ слѣдующими измѣненіями и дополненіями: на оберткѣ: Историко-критическія изысканія Ю. Венелина, томъ II. Москва. 1841; заглавіе — Древніе и нынѣшніе Словене, въ политическомъ, народномъ, историческомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіянамъ. Прибавленъ эпитафъ согласно желанію покойнаго, посвящено памяти Орлая; присоединенъ, по страстному желанію Болгаръ, портретъ Венелина, снятый съ писаннаго масляными красками; въ концѣ книги помѣщенъ списокъ сочиненій, оставшихся до того времени въ рукописяхъ, и планъ, составленный покойнымъ для изслѣдованія о Варягахъ; вставляема начатая авторомъ и конченная Молнаромъ карта Словеніи; послѣ 15-го листа сочиненіе дополнено изъ сохранившихся бумагъ; наконецъ прибавлены „черты частной и ученой жизни Ю. И. Венелина“. Спустя три года, изъ рукописей, относив-

шихся къ исторіи Болгарь, составленъ былъ III-й томъ и изданъ подъ заглавіемъ: „Критическія изслѣдованія объ исторіи Болгарь, Ю. Венелина; съ прихода Болгарь на Оракіянскій полуостровъ до 968 года, или покоренія Болгаріи в. княземъ Русскимъ Святославомъ; изданія на иждивеніи Болгарина И. Н. Денкоглу. Москва. 1849“. Наконецъ, о второмъ изданіи I-го тома помянуто нами выше.

Какъ скоро печальная вѣсть разнеслась по Болгаріи, всѣ туземцы поражены были глубокимъ горемъ. Тотъ самый Болгаринъ, который нѣкогда привѣтствовалъ Венелина торжественною одой, написалъ 12-го іюня 1839 г. въ Букарестѣ „Рыданіе на смерть-та Ю. И. Венелина“. Память Венелина осталась на всегда въ сердцахъ Болгарь, какъ священная память благодѣтеля. Это первое имя, которое слышитъ ребенокъ, приходя въ училище, которое слышитъ каждый Болгаринъ при первомъ знакомствѣ съ образованіемъ. Въ брошюрѣ „Болгарскіе книжники“, (Одесса, 1841), Априловъ увѣдомилъ, что одесскіе Болгаре окончили подписку: изъ Италіи выписывался мраморъ для памятника Венелину. Въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года, въ „Денницѣ“, Априловъ возвѣстилъ, что памятникъ готовъ и скоро отправится въ Москву; при книжкѣ приложенъ рисунокъ. 20-го декабря 1842 года, на могилѣ покойнаго воздвигнута изящная и стройная колонна, съ двумя надписями на пьедесталѣ, на одной сторонѣ: „Юрію Ивановичу Венелину Одесскіе Болгаре. 1841 года“; на другой: „Онъ первый напомнилъ свѣту о забытомъ, но нѣкогда славномъ и могущественномъ племени Болгарь и пламенно желалъ его возрожденія. Господи, услыши молитву раба твоего“. Подробности объ открытіи памятника можно прочесть въ тогдашнихъ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

Изъ жизнеописаній Венелина, кромѣ помянутой статьи И. И. Молнара при II томѣ, слѣдуетъ упомянуть: въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду, 17-го апрѣля и 27-го мая 1839 года, статьи Н. В. Савельева; въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, мая мѣсяца 1839 г., некрологъ; „Жизнеописаніе на Ю. И. Венелина“, переведено отъ Н. Х. Палаузова. Одесса. 1851; наконецъ, статья въ Москвитянинѣ 1842 года, ч. III, № 5, изъ которой не можемъ не привести въ заключеніе слѣдующія слова: „Если отраднo укоренять въ умѣ и въ сердцѣ другаго какую-либо душевную мысль, завѣтное чувство; если отраднo пробудить въ другомъ самомысленность и направить его во имя всего прекраснаго,—что можетъ

сравнится съ высокимъ достояніемъ того, который открылъ міру цѣлый народъ, и въ этомъ народѣ пробудилъ сознаніе и возбудилъ его къ незнакомой ему прежде дѣятельности?“. Попытки краткихъ жизнеописаній періодически повторяются и доселѣ.

Что еслибы Венелину дожить до нашихъ дней, до временъ „возродившейся“, хотя отчасти, Болгаріи? Но вѣрно только то, и къ чести Болгарь, что они доселѣ нисколько не охладѣли къ памяти Венелина.

II. Безсоновъ.

К-205

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

12
1882

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХХІ.

Мартъ

(137)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Марининскимъ мостами, д. № 90—1.

1882.

СОДЕРЖАНІЕ

ДВѢСТИ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

СТРАН.

1. (2-го февраля 1882 г.). Объ усиленіи преподаванія польскаго языка въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ Варшавскаго учебнаго округа. 3
2. (9-го февраля 1882 г.). Объ учрежденіи должностей почетныхъ попечителей при учительскихъ семинаріяхъ и школахъ министерства народнаго просвѣщенія. 4
3. (23-го февраля 1882 года). О должностныхъ лицахъ пансіона пріюта Императора Александра II, въ городѣ Калугѣ. —
4. (3-го марта 1882 года). О разрѣшеніи лицъ, имѣющихъ свидѣтельство на званіе учителя уѣзднаго училища, опредѣлять учителями въ городскія училища Туркестанскаго края. 6
5. (9-го марта 1882 г.). Объ увеличеніи штатной суммы на содержаніе департамента народнаго просвѣщенія 43
6. (9-го марта 1882 г.). Объ учрежденіи должности втораго лаборанта при Красноуфимскомъ (Пермской губерніи) реальномъ училищѣ 44

7. (23-го февраля 1882 г.) О пенсіонныхъ правахъ учителей чистописанія въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа	45
8 (9-го марта 1882 г.). О преобразованіи Сергіево - посад- ской мужской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ	—
9. (16-го марта 1882 года). О правахъ воспитанниковъ Ря- занскаго ремесленнаго училища по отбыванію воинской повин- ности	47
10. (23-го марта 1882 года). О предоставленіи надзирателямъ иностранческихъ учительскихъ школъ правъ государственной службы	48
11. (30-го марта 1882 года). Объ учрежденіи въ городѣ Пензѣ шестикласснаго реальнаго училища	—
12. (30-го марта 1882 г.). О преобразованіи Благовѣщенской мужской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ.	49

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

8-го марта 1882 года (№ 5).	7
15-го марта 1882 года (№ 6).	—

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (30-го января 1882 года). Положеніе о стипендіи въ па- мять совершившагося 19-го февраля 1880 года 25-тилѣтія цар- ствованія въ Бозѣ почившаго Императора Александра II при Курской мужской гимназіи.	8
2. (7-го марта 1882 года). Циркулярное предложеніе гг. по- печителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ опредѣленія и уволь- ненія правителей канцелярій попечителей учебныхъ округовъ	9
3. (10-го марта 1882 года). Положеніе о преміи для учениковъ пятой С.-Петербургской шестиклассной прогимназіи, въ память бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Дмитрія Андреевича Толстаго	10
4. (11-го марта 1882 года). Положеніе о стипендіи импера- тора Александра I при Троицкой мужской гимназіи.	11

5. (16-го марта 1882 года). Положеніе о преміи имени коллежскаго совѣтника Карла Христофоровича Миквицы при Дерптской гимназіи 11
6. (20-го марта 1882 г.). Положеніе о пяти стипендіяхъ при Бѣльской женской прогимназіи, въ память 19-го февраля 1880 г. 12
7. (20-го марта 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ѳедора Ивановича Шмелева при Сарапульскомъ реальномъ училищѣ. 13
8. (23-го марта 1882 г.). Положеніе о стипендіяхъ Богородскаго благотворительнаго общества при Богородскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ 14
9. (24-го марта 1882 г.). Положеніе о пяти стипендіяхъ при Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ имени вдовы дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Екатерины Эммануиловны Лазеревой —
10. (27-го марта 1882 г.). Положеніе о четырехъ стипендіяхъ, имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника М. С. Любарскаго при Черниговской женской гимназіи 15
11. (27-го марта 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени Ѳедора Васильевича Шишкина при Омской женской гимназіи . 16
12. (3-го апрѣля 1882 г.). Правила для стипендіи умершаго кандидата юридическаго факультета Харьковскаго университета Николая Алексѣевича Похвиснева. 17
13. (3-го апрѣля 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени М. С. Кохъ при Екатеринославской Маріинской женской гимназіи. . . 18
14. (5-го апрѣля 1882 года). Положеніе о стипендіяхъ имени вдовы маіора Александры Ѳедоровны Минченковой при Харьковской 2-й женской гимназіи. 19
15. (7-го апрѣля 1882 года). Положеніе о стипендіи Царя Освободителя и Преобразователя Александра II при Бобровской мужской прогимназіи 20
16. (7-го апрѣля 1882 года). Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника, статсъ-секретаря Андрея Александровича Сабурова при Дерптской мужской гимназіи. 21
17. (14-го апрѣля 1882 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ учебникахъ на грузинскомъ языкѣ, изданныхъ Дидебулидзе въ пользу бѣднѣйшихъ грузинскихъ народныхъ школъ —
18. (14-го апрѣля 1882 г.). Циркулярное предложеніе гг. по-

печителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ производства испытанія на званіе учителя новыхъ языковъ лицъ, окончившихъ курсъ въ реальныхъ училищахъ 50

19. (22-го апрѣля 1882 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о доставленіи министерству свѣдѣній о вакансіяхъ учителей механики, математики и черченія въ реальныхъ училищахъ 51

20. (22-го апрѣля 1882 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о вызовѣ молодыхъ людей изъ окончившихъ университетскій курсъ по математическому факультету на стипендіи для приготовленія въ учителя механики для реальныхъ училищъ —

21. (22-го апрѣля 1882 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о казенныхъ стипендіатахъ въ гимназіяхъ. 52

22. (26-го апрѣля 1882 г.). Правила о стипендіи бывшаго профессора университета св. Владиміра, статскаго совѣтника Александра Александровича Котляревскаго 53

23. (26-го апрѣля 1882 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о производствѣ учителями метеорологическихъ наблюденій 54

24. (4-го мая 1882 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о доставленіи министерству отчетовъ объ испытаніяхъ зрѣлости въ гимназіяхъ 55

25. (4-го мая 1882 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о пособіяхъ казеннымъ воспитанникамъ учительскихъ семинарій. —

26. (7-го мая 1882 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ уставахъ ссудо-сберегательныхъ кассъ при учебныхъ заведеніяхъ 56

ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

5-го марта 1882 года (№ 2) 22

23-го марта 1882 года (№ 3) 25

14-го апрѣля 1882 года (№ 4) 28

**ОБРЕДЬЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

СТРАН.

О книгѣ: „M. Tullij Ciceronis Cato Major de senectutet“. Объяснилъ Ермиль Чеховскій	33
О книгѣ: „Учебникъ русской грамматики“. Составилъ В. Ивановъ	—
О книгѣ: „Краткій синтаксисъ русскаго языка“. Составилъ А. Преображенскій	—
О книгѣ: „Систематическій курсъ нѣмецкой этимологіи“. Составилъ А. Баронъ	—
О книгѣ: „Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній словесности съ логическимъ разборомъ, выводомъ основной мысли и объясненіемъ каждой статьи“. Изданіе 3-е, Н. Невзорова,	—
Объ изданіи: „Книга упражненій по латинскому синтаксису“. Составили по Зюпфле К. Павликовскій и В. Исаенковъ	34
О книгахъ: „Сборникъ примѣровъ и задачъ элементарной механики“. Составилъ Е. Г. Котельниковъ	68
О книгѣ: „Образцы новой русской словесности“. Собралъ А. Цвѣтковъ	—
О книгѣ: „Q Horatii Flaccii carmina“. Составилъ Лукіанъ Миллеръ	—
О книгѣ: „Краткая отечественная географія съ картами въ текстѣ“. Составилъ И. Михайловъ	69
О книгѣ: „Опытъ элементарнаго руководства при изученіи русскаго языка практическимъ способомъ. Элементарная грамматика“. Составилъ К. Говоровъ	—
Объ изданіи: „Школа чистописанія“. Составилъ В. Гербачъ	—
О книгѣ: „Исторія христіанской православной церкви. Составленная Петромъ Смирновымъ	—
О книгѣ: „Общепонятная гигиена“. Д-ра Ир. Скворцова	—
О книгѣ: „Учебникъ русской грамматики“. Составилъ Е. Романовъ	—
О книгѣ: „Курсъ черченія Н. П. Нечаева“ I) Геометрическое черченіе, II) Проекціонное черченіе и III) Перспективное черченіе	—
О журналѣ: „Хозяйственный Строитель“, редактируемаго П. Мижуевымъ	70

О книгѣ: „Конструкторъ“. Составилъ Рело	70
О книгѣ: „Deutsches Leseduch ür Russland“. Составилъ Л. Мюллеръ	—
О книгѣ: „Учебникъ русской грамматики“. Составилъ О. Буславъ	—
О книгѣ: „Избранныя жизнеописанія, Корнелія Непота“. Видоизмѣнилъ, К. Люгебиль	71
О книгѣ: „Первая помощь въ отсутствіи врача или въ ожиданіи его въ опасныхъ случаяхъ обыденной жизни и на полѣ битвы“. Составилъ д-ръ К. Ф. Трояновскій	—
О книгѣ: „Путешествіе Государа Императора Александра III въ первое лѣто его царствованія“	—
О книгѣ: „Обработка металовъ и дерева“. Составилъ П. К. Соколовъ	—
О книгѣ: „Учебная механика“. Составилъ С. Гуржеевъ	—

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Опытъ методическаго руководства къ преподаванію ариметики въ народныхъ школахъ“. Составилъ Владиславъ Ислантьевъ	34
О книгѣ: „Изъ быта крестьянъ“. Составилъ В. Владиславлевъ	—
О книгѣ: „Правда въ сказкахъ“	—
О книгѣ: „Слово о полку Игоревѣ“. Составилъ А. Скульскій	—
О книгѣ „Штудерникъ Ничипоръ Зачины-Вороты и его потомство. Составилъ А. Погоскій	—
О книгѣ: „Четыре времени года“. Повѣсть Д. В. Григоровича	35
О книгѣ: „Семедовская долина“. Разсказъ Д. В. Григоровича	—
О книгѣ: „Прохожій“ (святочный разсказъ) Д. В. Григоровича	—
О книгѣ: „Мать и дочь“ осеній разсказъ Д. В. Григоровича	—
О книгѣ: „Задача и организація школьнаго дѣла въ уѣздѣ“. В. А. Александровъ	—
О книгѣ: „Первые разсказы изъ естественной исторіи“. Составилъ М. Быковъ	—
О книгахъ: „Ученіе о православномъ богослуженіи“ 2) „Законъ Божій“ изданный протоіереемъ Василиемъ Михайловскимъ	—

О книгахъ: а) „Очеркъ жизни Гаврила Романовича Державина“, б) „Псалмы въ стихахъ“, и в) „Русскія сказки“ (въ стихахъ). 2) „Материнская любовь“. Сочиненіе В. Коровина. 3) „Пропавшая дѣвочка“. Изданіе Грота и 4) „Сельскій сборникъ“. Составилъ Д. А. Соколовскій.	72
---	----

О книгахъ „Маленькая Мэгъ и ея дѣти“. 2) „Сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ“ М. Ч. 3) „Русскіе поэты“. 4) „Одиноки въ цѣломъ Лондонѣ“ и 5) „Крестьянскій мальчикъ“. Изданіе книгопродавца Грота.	—
---	---

О книгѣ: „Элементарный курсъ грамматики“. Составилъ Д. Тихомировъ.	—
--	---

О книгѣ: „Трехголосныя хоровыя пѣсни для школы“.	—
--	---

О книгѣ: „Родной языкъ“. Составленъ г. Р. Патканьяномъ.	—
---	---

О картинахъ: „Изъ русской жизни и природы“. Изданныя Фену и К ^о	—
--	---

Объ изданіи: „Листы буквъ большаго размѣра, со всѣми употребительными знаками препинанія“. 2) „Листы крупныхъ буквъ церковно-славянской печати“. Составилъ І. И. Паульсонъ.	—
---	---

О книгѣ: „Слово о полку Игоревѣ“. Составилъ А. Скульскій.	73
---	----

О книгѣ: „Разказы старушки объ осадѣ Севастополя“. Составила Т. Толычева.	—
---	---

О книгѣ: „Очеркъ современнаго состоянія заграничной народной школы“. Составилъ Я. Т. Михайловскій.	—
--	---

О книгѣ: „Курсъ дидактики“. Составилъ К. Ельницкій.	—
---	---

О книгѣ: „Дѣтская библіотека“ Изданіе С. Кирпичниковой и К. Новицкой.	—
---	---

Официальное извѣщеніе.	35
--------------------------------	----

Каталогъ руководствъ и пособій.	1
---	---

Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ.	—
---	---

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Антонъ-Маринъ Глеговичъ, неизданный Дубровницкій поэтъ. (Окончаніе). В. Качановскаго.	1
---	---

Историко-географическія извѣстія Герберштейна. Е. Замысловскаго.	54
--	----

Графъ Вуичъ въ Черногоріи. Живко П. Драговича.	115
--	-----

Замѣтка о происхожденіи имени Ермагъ. А. Никитскаго.	135
Новыя свѣдѣнія о Кыфрахъ. И. Минаева.	139
Юрій Ивановичъ Венелинъ. П. Безсонова.	159
Обитатели каменистой Аравіи. А. Елисѣева.	207
Одинъ изъ литературныхъ памятниковъ XVI вѣка. В. Жма- кина.	235
Надписи Персидскихъ царей изъ рода Ахеменидовъ. Сост. И. Радлинскій. Выпускъ I й. Надписи царя Дарія. В. Ш. . .	249
Исторія русской словесности. Составилъ И. Порфирьевъ. . .	273
А. Соболевскаго	273
Alwin Schultz. Das höfische Leben zur Zeit der Minnesinger).	
А. Веселовскаго.	283

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Къ вопросу о черченіи картъ въ классѣ. А. Соколова. . .	1
---	---

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1880 году.	1
Императорское Русское Историческое Общество въ 1880 и 1881 годахъ	60
Императорское Русское Археологическое Общество въ 1881 году.	66
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ за- веденій: а) Университеты.	81 и 114
Императорское Московское Археологическое общество въ 1881 году.	105
Письмо изъ Парижа Л. Л—ра.	127

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

De Saturnio Latinorum versu. Th. Korsch (Окончаніе) . . .	197
Отвѣтъ на рецензію. Т. Тихомирова.	235
Календарь Мегаръ и ихъ колоній. В. Латышева.	243
Коллеги въ средѣ рабовъ въ Римской имперіи Ю. Кула- ковскаго	255

